

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Николай ПОБЕРЕЖНИК

ЭРТА ВРЕМЯ СИРОТ

Я и вспомню каждого,
и предъявлю дьяволу счет на патроны!

Эрта

Николай Побережник

Время сирот

«Автор»

2015

Побережник Н.

Время сирот / Н. Побережник — «Автор», 2015 — (Эрта)

Из отличников выпуска школы сирот с военным уклоном – в одного из самых разыскиваемых преступников. Из простодушного юноши – в жесткого, не знающего жалости к себе воина, ищущего смерти. Из южных долин – в голые степи, а затем на фронт, на продуваемые северными ветрами перевалы высоких гор. Вернуть свое имя и покорить этот мир, мир Эрты. Мир угля и пара, дирижаблей, паровозов и первых самобеглых колясок. Безудержная, слепая роскошь – и жалкая, голодная нищета. Блеск золота на фоне голодных глаз. Роскошные витрины и лачуги бедноты... это лишь начало пути.

© Побережник Н., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	20
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Побережник

Время сирот

*Замок временем скрыт и укутан, укрыт
В нежный плед из зеленых побегов,
Но развяжет язык молчаливый гранит –
И холодное прошлое заговорит
О походах, боях и победах.
Время подвиги эти не стерло:
Оторвать от него верхний пласт
Или взять его крепче за горло –
И оно свои тайны отдаст.
Упадут сто замков и спадут сто оков,
И сойдут сто потов целой груды веков, –
И польются легенды из сотен стихов
Про турниры, осады, про вольных стрелков...
Владимир Высоцкий. Баллада о времени.*

Пролог

Одетый словно для торжества старик стоял у окна. Начищенные до блеска сапоги, приталенный кожаный пиджак воротником стойкой, застегнутый на все пуговицы, широкий пояс и кобура с тяжелым пехотным револьвером. Такое оружие теперь можно встретить разве что в коллекциях или у охотников на северо-востоке, что берут его с собой на промысел, где с одного выстрела можно было свалить таким калибром внезапно выскочившего навстречу хищника.

Острый взгляд, плавные движения и уверенная походка, со спины и нельзя сказать, сколько лет этому человеку, если не видеть его белые, словно пух степного ковыля волосы. Сильные руки, оперлись на подоконник ладонями, покрытыми почти прозрачной кожей, старик приблизился к стеклу и присмотрелся к дороге, серой лентой изгибающейся по степи со стороны предгорий. По дороге катили две моторные повозки, едут быстро, уверенно. Старик вдохнул, чуть заметно улыбнулся, отчего на левой щеке, исчерченной несколькими глубокими шрамами, появился замысловатый рисунок. Взгляд устремился дальше, и выше – к небу... На горизонте лениво плыл дирижабль, еще немного и он сольется с облаком. Вздых, но не тяжелый, а скорее умиротворенный и спокойный. Старик отошел от окна, вглубь небольшой комнаты, где рядом с круглым столом стояло плетеное кресло, усевшись в которое седой хозяин дома, одиноко стоящего в степи, достал из кобуры револьвер, взвел курок и положил оружие на колени, а потом откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза. Осталось подождать немного... Лицо стало спокойным, а в уголках глаз, блеснув на солнце, появилось по прозрачной капле, которые медленно поползли по покрытым множеством морщин щекам, а старик продолжал улыбаться, уносясь с мыслями в далекое прошлое.

Глава первая

Кинт присвистнул голубям вдогонку и, шурясь, поднёс ладонь ко лбу. Яркое Светило катилось к закату, слепило, мешало разглядеть стаю.

– Еще круг и домой! – улыбаясь ямочками на щеках, юноша крикнул своим домашним птицам и присел у плетеной большой клетки из податливых молодых веток речного дерева.

Клеть сделал отец Кинта, когда сорванцу исполнилось десять, и через день ушел... отец ушел в ополчение Таргала Третьего, а спустя полгода, мать Кинта тихо плакала, стоя напротив стены, где на полке стояла урна с прахом мужа...

– Сынок, ужинать! – мать вышла во двор, небольшой, но уютной и с любовью построенной главой семейства хижины.

– Сейчас, еще двое не вернулись. Красивые, правда?

– Вроде не было у тебя таких пестрых, – мать внимательно смотрела в небо, наблюдая за парой голубей, – Кинт... откуда они?

– Ну... я поменялся, с В атом поменялся, – пряча глаза и делая вид что занят клеткой ответил Кинт.

– На что? – строго спросила мать, – ну-ка, загоняй их и спускайся.

Сердитые нотки в голосе матери, вполне имели основание – несколько месяцев назад, Кинт обменял походный платок отца, на молодую горлицу, которую он приглядел у соседа и друга. Кинт любил голубей, и все свободное время проводил с ними.

– Так, на что променял, – не сбавляя строгих интонаций, спрашивала мать, когда Кинт уже сидел на кухне.

– Мам, ты только не ругайся... я на сумку школьную поменял... Я все равно не пойду больше учиться! Я тебе буду помогать, и вон к мастеру пара, старому Кошу в ученики наймусь! Не хочу больше так жить и есть один раз в день!

– Сынок, – мать подошла к насупившемуся Кишу и, погладив по голове присела рядом на лавку, поправив выбившийся из-под косынки локон седых волос, – тебе надо учиться, а на еду я заработаю. Да и брат мой должен осенью приехать, обещал помочь.

– А до осени? – перемешивая крохотный кусочек масла в каше из злаков крупного помола, спросил Кинт.

– Как-нибудь сынок... как-нибудь.

Мать грустно улыбнулась, снова погладила Кинта, и вдруг, ее лицо начало растворяться, желто-зеленое облако заволокло всю кухню... Послышался пронзительный свист... яркая вспышка, взрыв...

– Мама! – крикнул Кинт и, проснувшись, обливаясь холодным потом сел в постели.

– Кинт ну что опять? Сколько можно? – сонным и недовольным голосом, сказал В акт, сосед по казарме и так уж получилось, единственный друг.

– Прости... – вытирая грубым, суконным одеялом лицо ответил Кинт и снова лег, уставившись в потолок.

Кинт посмотрел на толстые деревянные балки, на которых в трех местах, над центральным проходом казармы висели масляные светильники. Опять этот сон... он повторяется уже давно, Кинт даже не помнит как давно и сколько раз...

Кинт – жилистый высокий юноша, от отца получивший черты лица южанина, высокий лоб, карие, почти черные глаза и густые, но сейчас, коротко стриженные черные волосы. А еще у Кинта приятная улыбка, которую редко, очень редко теперь можно увидеть... тут, в казарме сиротской школы для мальчиков, улыбка большая редкость. Здесь, указом и повелением Таргала Третьего живут и учатся дети, осиротевшие из-за длительной войны за объединение терратоса.

– Просыпайтесь сони! – громко крикнул Чагал и один раз, сильно ударив в тревожный колокол, подвешенный за балку у входа в казарму.

Чагал – мастер-наставник в отряде старших сирот. Почти старик, покалеченный и составленный войной, с деревянным протезом, не гнушейся правой рукой и безобразным шрамом через все лицо и как следствие отсутствующий правый глаз. На всех детей в школе сирот внешность Чагала наводила ужас, но не долго, лишь первые минуты знакомства. Наставник любил детей и отдавал им всего себя, чтобы научить и воспитать. И дети отвечали ему взаимностью – никто не отвлекался на занятиях, которые вел Чагал, а не выучить урок – считай, потерять доверие и уважение старика, а это было подобно смерти. Единственным глазом Чагал «испепелял» не усидчивых воспитанников, а потом придумывал для них различные «мероприятия», воспитывающие усидчивость и послушание... Например, постоять на коленях с закатанными штанинами в углу кладовой, где посыпано крупной солью, с тяжелой, тысяче страничной Книгой Истории Последней Войны в руках. Потом, пережив наказание, было практически невозможно вернуть доверие Чагала, а впереди, маячила перспектива закончить школу без рекомендаций, совсем, а это в свою очередь отменяло малейшую возможность устроиться в любой из военизированных корпусов.

– Кинт, Кинт просыпайся! – тормозил друга Вакт, – моргал всю ночь на потолок, а теперь дрыхнет. Да просыпайся же!

– Все, все, – Кинт поднялся и начал быстро одеваться.

Поверх нательного белья – длинной льняной сорочки и кальсон, Кинт накинул короткий камзол, со вставками из толстой кожи на локтях и плечах, влез в штаны, шустро затянув поясной шнур, намотал портянки и практически запрыгнул в сапоги. Быстро заправив постель, Кинт побежал догоняя друга к туалетам и умывальным, схватив из тумбочки грубо сотканное полотенце. Все делалось быстро, и казалось, метание юношей было похоже на хаос, но это только на первый взгляд, мастер Чагал настолько вымуштровал своих подопечных, что теперь, все подростки выпускного класса кишат, словно муравейник... все бегут, но никаких лишних движений, все по делу и со смыслом. Пулей прилетев к кровати и вытираясь на бегу, Кинт застегнул пуговицы камзола, кинул на голову шляпу с жесткой цилиндрической тульей средней высоты с неширокими прямыми полями, и сдёрнув с изголовья ложа широкий пояс, побежал на улицу, застёгивая пряжку, где уже строились в две шеренги его товарищи. К слову на поясе было несколько кожаных подсумков и кармашков, ножны, в которых находился длинный штык от походной винтовки и кобура с тяжелым пехотным револьвером, с длинным шестигранным стволом, стрелять из которого юношам было возможно, лишь удерживая его двумя руками.

– Ну что, дети мои, – прохаживался вдоль строя Чагал, опираясь на клюку и скрипя шарнирами протеза, – у вас сегодня важный день – первый из пяти экзаменов.

– Так есть, мастер-наставник! – в один голос, громко ответили воспитанники.

– Я погляжу, вы полны уверенности, что ж, это меня радует, – еле заметно улыбнулся Чагал, – звеньевой Кинт, води отряд на кухню.

– Слушаюсь, – громко, почти крича, ответил Кинт и вышел из строя.

Руководство сиротской школы в лице отставного пехотного генерала Горты, тоже прониклось важностью момента, шутка ли, первый выпуск школы, и завтрак был очень вкусным. Каша с медом, сладкие лепешки и целый, а не как всегда половина, стакан сметаны.

Быстро разобравшись с кашей, Кинт с наслаждением пережевывал лепешку и запивал большими глотками сметаны. Он чуть наклонился и посмотрел на свое звено, сидящее на длинных лавках по обеим сторонам длинного стола, перевел взгляд на соседний стол и нахлынули воспоминания...

– ...ты, конопатый! Ну-ка пройди и собери у всех масло, – указав ложкой на Вакта сказал Длинный Токт, как его тут все называли, он был одним из первых привезенных в школу сирот, деревенский жердяй старше всех в отряде на пару лет, – ну, что устался? Плохо слышишь?

– Зачем? – растерянно, и немного испуганно спросил Вакт.

– Ты тупой? Тут не задают вопросов, а выполняют приказы старших.

Вакт было поднялся, но мальчишка сидящий рядом, что прибыл два дня назад из мест, где сейчас проходит южный фронт, с черными, как уголь глазами остановил его.

– А ты куда лезешь южанин? – глаза Длинного Токта налились кровью, он покосился на стоящего в дверях кухни жандарма школы и процедил сквозь зубы, – после завтрака у помойки за кухней... оба.

Все за столом делали вид, что ничего не происходит, но при этом быстро начали перемешивать ложками масло, которое каждому в тарелку положила толстая Зана – кухарка пару минут назад. Завтрак закончился, все по команде звеньевых встали и направились к выходу. У отряда было полчаса перед тем как начнутся занятия и все звено, и другие «сочувствующие» из отряда отправились к помойке.

– Придется вас учить недоумки, – нависал над Вактом и Кинтом Длинный Токт, – а тебя южанин в первую очередь.

То, что произошло в следующие секунды, не ожидал никто... Кинт внезапно и резко пнул Длинного Токта в колено тяжелым ботинком, от чего тот дико взвыл, схватившись за колено, а Кинт, зажав в руке каменную солонку, что прихватил со стола в кухне, что есть силы ударил ей в лоб Токта...

– Ты чего? – толкнул Вакт в плечо Кинта, облизывая «усы» от сметаны, – командуй, все тебя ждут.

– Звено на выход! – опомнился от нахлынувших детских воспоминаний Кинт.

До учебных казарм, все шли, ощущая нарастающее всеобщее волнение, но никто не хотел этого показывать, кто-то отпускал дурацкие шутки, кто-то напевал. Отряд построили перед учебной казармой.

– Ну, кто пойдет первым? – спрашивал догнавший отряд Чагал.

– Разрешите мне мастер – наставник, – вышел из строя Кинт.

– Прошу, – Чагал указал глазами на дверь.

Кинт поправил под поясом камзол и направился широким шагом к двери длинного одноэтажного корпуса учебных классов, остановился у ступеней...

– Давай смелей сынок, – сказал Чагал и присел в небольшой беседке рядом со входом.

Кинт быстрым шагом преодолел длинный коридор, по обеим сторонам которого были двери учебных классов. В конце коридора приоткрытая дверь самого большого помещения в здании – зал собраний школы.

– Курсант Кинт Акан! – вытянулся, словно струна юноша, после того как вошел в зал и закрыл за собой дверь.

За небольшим столом, сидел наставник Кожэ. Это был сухонький старик, с очулярами в массивном медном корпусе на носу, одет он был парадный камзол, с натертыми до ослепляющего блеска пуговицами. Тонкими, почти прозрачными пальцами он переложил несколько книг с одного края стола на другой, затем поднял на юношу взгляд, чуть тронув рычажок фокусировки на очулярах.

– А ведь я не сомневался, что первым придешь именно ты Кинт.

– Вы как всегда проницательны наставник Кожэ, – вытянувшись, хотя казалось, что уже больше некуда, ответил Кинт.

– Присаживайся, – наставник указал рукой на табурет.

Сняв шляпу, Кинт кивнул, повесил головной убор на вешалку у входа и направился к столу.

– И так начнем, – Кожэ сцепил ладони в замок и с хрустом вывернул их в сторону пола, – скажите юноша, как можно описать весь период существования цивилизации на Эрте?

Кинт прокашлялся, положил руки на колени, уставился прямо в линзы окуляров Кожэ и чуть приподняв подбородок, начал отвечать:

– Эрта, единственная обитаемая планета в нашей системе, современной науке известны два континента. Однако, разумная цивилизация существует уже 6 тысяч лет. Только эволюционировала она из шести лишь около двух тысячелетий. От зарождения разумной жизни до момента, когда люди перестали принадлежать себе, прошло 2400 лет. А потом эволюция цивилизации прекратилась и началась деградация, которая иногда, на короткие периоды останавливается, и появляется надежда и свет в виде новых, или забытых старых открытий, в виде терратоса, население которого пошло по пути развития, а не уничтожения друг друга и многолетних войн за ресурсы и технологии... но потом все надежды рушатся из-за алчности, разврата и греха. Частые войны давали толчки к развитию наук, и цивилизация познала небо и океан. Люди строили машины, позволяющие подниматься в небо и пересекать континенты от океана до океана, люди смогли покорить море используя машины...

Наставник Кожэ удовлетворенно кивнул и улыбнувшись, сказал:

– Продолжай.

– Машинам нужна энергия, сначала ее брали от огня и пара, затем от залежей различных руд, газов и прочих ископаемых ресурсов. А затем, опять начались бесконечные войны за эти ресурсы. Одни терратосы поглощали другие, а иные сгинули во времени и войнах, за жалкие остатки недр. И однажды, в Середине Времен, ученые развитых терратосов познали энергию, равную по своей силе Светилу и использовали ее для войны, после которой осталась лишь горстка выживших на всей планете, Светило отвернулось от людей и Эрта погрузилась в десятилетний мрак и холод... Можно воды Наставник?

– Конечно, – Коже придвинул поднос, на котором стоял кувшин и кружка.

Кинт быстро налил себе полную кружку, залпом выпил и продолжил:

– Прошли века, и из пепла былых цивилизаций снова зародилась жизнь. Те люди, которые сохранили знания прошлого, смогли восстановить утерянное, но лишь малую его часть. Снова появилась надежда... Спустя тысячелетие от Последней Войны появились пришельцы с неба. Они прибыли на большой летающей машине и на пустошах городов сгинувших в прошлых войнах, ими была построена ОБИТЕЛЬ, на каменных стенах которой были оставлены надписи, а внутри обители был установлен КАМЕНЬ – пожиратель душ. Затем пришельцы покинули Эрту, а КАМЕНЬ, забирая души у всего живого, посылал их в виде СИЛЫ на планету пришельцев, далекую и неизвестную планету. Но Боги не оставили Эрту, и так случилось, что КАМЕНЬ не смог принять души 144 избранных, которые явились в пустошь и разрушили обитель, а КАМЕНЬ погрузили на корабль, ушли далеко в океан и утопили его в глубинах, тем самым, освободив людей.

– Хорошо, – кивнул Кожэ, – а почему на дне океана КАМЕНЬ перестал работать?

– Из-за разрушенной обители наставник, на каменных стенах которой были надписи... летописи гласят, что надписи были заклинанием... только хм... простите, наставник я в это не верю.

– Твое право Кинт, но у нас нет источника более достоверного, чем летопись Времен Последней Войны.

– Так есть наставник, – кивнул Кинт и продолжил, – Но к тому времени люди разобщились, и некогда великие и сильные терратосы превратились во множество племен оставшихся жить на одном большом континенте – Зарве. Шли века, и во славу Богам появился Таргал – объединитель, который смог на большой территории собрать воедино племена забытого терратоса, и прекратить хоть и на время междоусобицы, возродился терратос Аканов – жителей юго-востока нашего континента. Последовав примеру Аканов, спустя время появились из забытых другие терратосы...

– Достаточно Кинт, – Кожэ макнул перо в чернильницу, написал несколько строк на экзаменационном листе и поставил подпись. Потом встал и впервые, обратившись к Кинту на «вы», протянул лист:

– Держите курсант, вы сдали экзамен, что я заверил подписью и рекомендацией от себя лично, которую господин Горт примет во внимание.

– Благодарю наставник, – Кинт встал поправляя пояс, затем прижав руки к бедрам резко кивнул.

– Пригласите следующего Курсант Кинт.

– Слушаюсь.

– Как прошел экзамен сынок? – Чагал чуть развернулся и закинул протез на лавку в беседке.

– Наставник Кожэ сказал, что я сдал экзамен.

– Так тому и быть... На сегодня свободен сынок.

– Так есть мастер-наставник, – отвел Кинт, и придерживая рукой шляпу побежал в сторону казармы.

За сотню шагов до казармы Кинт перешел на шаг, глубоко вдыхая утренний весенний воздух. По обе стороны посыпанной песком дорожки растут молодые деревца аллеи Таргала, в посадке которой принимал участие и Кинт. Он подошел к «своему» дереву и чуть тронул ветку, которая взорвалась зеленью из почек буквально на днях.

– Привет, – сказал вслух Кинт, – скоро я оставлю тебя.

Дерево словно пытаясь ответить, немного покачало ветками под порывами ветра. Кинт присел на прошлогоднюю павшую листву рядом со стволом и задумался... Шесть лет пролетело с того момента как его, нелюдимым и запуганным подростком, привезли сюда. Школа сирот тогда только была построена, везде пахло струганным деревом, и раствором для каменной кладки, а бревенчатый частокол вокруг школы, и смотровые вышки наводили тоску. Война за прежние южные границы терратоса была в самом разгаре, и каждый день привозили по несколько новых сирот. Первые полгода пребывания в школе Кишу пришлось доказывать, что малый рост и южный акцент совсем не повод для насмешек и издевательств. Костяшки на кулаках не успевали заживать перед очередной дракой. Кинт не был агрессивным, провокатором, да и драться он не любил, хотя и умел, спасибо отцу. Скорее всего, обстоятельства чаще были таковы, что подростку приходилось либо отстаивать свою правоту в драке, либо держать удар, после того, как заступился за кого-то слабее себя.

Школа сирот находилась в двух днях пешего пути от единственного на весь терратос Аканов города-порта и столицы – Актура. Конной повозкой немного быстрее можно добраться, комфортнее. И главное, не так опасно – степные гиены не рискуют нападать на повозки, а вот перекусить двумя-тремя пешими путниками для них обычное дело. Еще, скоро достроят узкоколейку от столицы до школы. Нет, не ради школы сирот ее строят, просто рядом со школой в паре часов пешего пути, находится корпус охраны дорог – по сути жандармы, но с военными порядками. Вот ради него и начали строить железную дорогу...

– Так и знал что ты здесь, – Вакт присел рядом с Кинтом.

– Как прошло? Сдал?

– Сдал, – завалившись на спину примяв листву и закинув руки за голову, с довольной физиономией ответил Вакт, – Кожэ как подменили, сколько он нас мучил своей историей, а тут, несколько вопросов и все.

– Я тоже заметил... Он написал рекомендации?

– Что-то писал, я не разглядел... Слушай, ходят слухи, что в корпусе охраны дорог всего пять мест.

– Болтают почем зря, меньше слушай.

– Ну мы туда? Как договорились?

– Да дружище, после выпуска попробуем вступить в корпус охраны дорог, надеюсь, рекомендации помогут. Идти в жандармерию, даже в столицу, нет желания.

– А если не поступим?

– Тогда устраюсь где-нибудь, поближе к котлам, вон, на станцию... или учеником машиниста, – Кинт тоже лег на спину и принялся разглядывать сквозь ветки плывущие по небу облака.

– Хорошо тебе, ты ловко разбираешься со всякими этими клапанами, пароконден... конт... кагд...

– Пароконденсаторами...

– Вот, я даже выговорить не могу.

– А ты в обработке металла много чего добился.

– И что, всю жизнь у парового молота стоять? Нет, я тогда в армию лучше...

Друзья болтали, развалившись под деревом, строили планы на будущее, мечтали. Один экзамен позади, впереди еще четыре дня испытаний и весь выпускной отряд школы будет выставлен за ворота, и начнется взрослая жизнь. Вот так сурово. Однако, у большинства осиротевших за несколько лет войны, и такого шанса не было.

К обеду, все шестьдесят курсантов уже прошли экзамен, хотя сдали его далеко не все, как ни старался наставник Кожэ тянуть «за уши» выпускников. Были среди воспитанников те, кто узнав о перспективах выпуска забросили учебу, ведь если не поступить на службу или не найти работу на которой тебя будут ценить, то к совершеннолетию всех обреют, и в войска, на южный фронт... хотя есть вероятность, что к тому времени война закончится. Были конечно и такие, которым учеба попросту не давалась...

За завтраком на следующий день курсанты пребывали в веселом настроении. Серьезно к экзамену, который в этот день предстояло сдавать, они относиться не могли. Причиной тому мадам Эстэр – наставница по поведению в обществе и этикету. Не говоря уже о том, что все ученики школы сирот не однократно в своих снах провели долгие романтические вечера с мадам Эстэр. Кроме как в кавалерийском костюме с разными вариантами шляп, ее никто из курсантов не видел. Красивая и лицом и во всех остальных местах, тридцатилетняя мадам Эстэр была строга, и кроме того, невыносимой стервой, но от этого не переставала быть эталоном женщины для курсантов. Отпускать пошлые шутки в ее адрес перестали полтора гола назад, когда она сначала сломала нос Длинному Токту, а потом его час пороли плетью на площади, после чего он умер тем же вечером. Законы Акана просты, но в тоже время строги... деревенщина позволил себе распустить руки и ухватить за зад мадам Эстэр, и случись это не публично, то возможно он и отделался бы лишь сломанным носом. Но его выходка была при свидетелях, одним из которых оказался мастер-наставник Чагал, который и так Токта уже просто терпел последнее время. Оскорбление мадам Эстер было нанесено, и согласно законам Акана она могла либо попросить защиты, либо вызвать на поединок обидчика, имея за собой право в выборе оружия. Эстэр сделала выбор в пользу револьверов, однако Токт испугался и решил сбежать. Его поймали. Поймали и запороли насмерть на площади, побегом от дуэли он совершил еще большее преступление, за что и заплатил жизнью.

Мадам Эстэр стояла на ступенях у входа в корпус учебных классов. Она приветственно кивнула Чагалу, который учтиво поклонился в ответ, затем он повернулся и приковывался в беседку, где примостил на лавку протез, согнув его в «колени», на которое пристроил свою шляпу.

– Рада видеть вас курсанты. Что ж начнем, кто первый?

– Иди, – В акт подтолкнул Кинта в спину и тот вывалился из строя, от чего позади раздались смешки.

– Похвально Кинт, – не допуская ни единой эмоции, сказала мадам Эстэр, – что ж экзамен начался.

Собравшись, Кинт поправил шляпу, по привычке расправил отсутствующие складки камзола под поясом, согнав их назад, уверенно поднялся по ступеням, и открыв дверь, снял шляпу и сказал:

– Прошу Вас мадам Эстэр...

– Нет, ну какая разница в какую руку я взял нож?! – уже в который раз Вакт проходил мимо сидящего у своего дерева в аллее Кинта.

– Да ладно, не переживай, я ей тоже не ту руку подал целых два раза, и не смог назвать весь церемониальный состав в случае приема в резиденции Таргала Третьего.

– Можно подумать, что отсюда, мы прямо в эту резиденцию и угодим, – Вакт сел рядом и засопел.

– Ну экзамен-то мы сдали, хоть и без личных рекомендаций мадам.

– Угу... – вдохнул Вакт, – я ведь в Актур не попал тогда, помнишь?

– Да, помню, ты болел, когда мы на параде представляли школу сирот.

– Расскажи...

– Вакт, ну сколько можно? Уже тысячу раз рассказывал, да и не видели мы толком ничего кроме площади и рынка. Вот после выпуска, как и запланировали, посетим столицу, сам все увидишь...

С севера донесся характерный шум винтов, Кинт встал и поднес ладонь ко лбу закрываясь от солнца.

– Транспортный...

– Точно, – встал рядом Вакт, – и с охранением.

Юноши наблюдали, как с севера на юг, на большой высоте «полз» большой и не поворотливый транспортный дирижабль, из двух труб машинного отделения гондолы вырывались клубы черного дыма, который тут же рассекали лопасти восьми винтов на горизонтальной подвеске фюзеляжа. На небольшом отдалении, впереди и позади, летели по паре скреверов, эти одноместные боевые машины появились в небе Аканы лишь пару лет назад. Ходят слухи, что правительство терратоса покупает их у какого-то инженера, чья лаборатория и завод располагается где-то в районе Тарийского хребта – не подконтрольной терратосу Аканов территории.

– Подкрепление на юг перебрасывают, наверное, – почесав затылок предположил Вакт, – странно, вроде война закончится скоро должна. В газете писали, что осталось всего три непокорных общины.

– Ага, – чуть улыбнулся Кинт, – а осенью писали, что войска воюют всего с одной непокорной общиной. Не все так просто дружище, с этой войной... А скреверы все же впечатляют, на голубей похожи... Интересно, как удалось добиться такой подъемной силы и мощности, и поместить все узлы и механизмы в такую маленькую машину?

– Может она и не маленькая, ты же скревер вблизи не видел.

– Не видел.

– Понимаешь Кинт, мы тут, за частоколом знаем лишь то, чему нас учат наставники, что пишут в столичной газете... ну и то, что знали до того момента как попали сюда.

– Осталось немного подождать, вот сдадим экзамены...

– А давай немного попутешествуем? – вдруг перебил Вакт друга.

– Тех денег, что нам обещали выдать по окончанию школы, хватит не более чем на неделю весьма скромной жизни, – хмыкнул Кинт, а потом грустно добавил, – хотя... я бы домой хотел попасть.

– Там же одни руины, пепелище.

– Вот эти руины и пепелище стали могилой матери... Только во снах ее лицо вижу, а вот так вспомнить не получается.

– Побежали, на обед в кухне звонят, – сказал Вакт, отряхивая от сухой листвы одежду.

Следующие два экзаменационных дня пролетели незаметно, за исключением пары симметричных синяков на скулах Кинта и Вакта – последствия экзамена по военному делу, где друзьям пришлось драться в кулачном бою и бороться. Так пал жребий, который все курсанты тянули из шляпы мастера-наставника Чагала. Все курсанты после этого экзамена выглядели изрядно помятыми, а некоторым даже понадобилась помощь школьного лекаря. Ещё стреляли из револьверов и походных винтовок, затем на лошадях звена жандармов школы, наперегонки, доставляли пустые тревожные депеши в корпус охраны дорог, где курсантов встречал капитан корпуса, и первому прибывшему из трех наездников расписывался в депеше, где указывал имя счастливчика. Также был экзамен по мастерству в ремесле. Кинт и еще двое курсантов почти весь день возились, собирая из узлов и деталей небольшую паровую машину, которую потом, при условии, что модель будет удачной, отправят на ближайшую насосную станцию как силовой агрегат для насосов артезианских скважин. За что курсанты вполне могли получить и денежное вознаграждение в придачу к тем монетам, которые будут звенеть у них в карманах, после того, как ворота школы закроются за их спинами, и перед ними узкой степной дорогой начнет извиваться сама судьба. Машина к слову, оказалась вполне функциональной, и всем трем курсантам были написаны рекомендации от мастера-наставника пара и машин.

Пятого экзамена курсанты ждали с нетерпением. Это пеший поход в составе дозорной группы корпуса охраны дорог. Трехдневный переход, от перекрестка до перекрестка двух торговых трактов, где частенько случаются нападения кочующих банд.

После завтрака курсантам было дано время на сборы и подгонку снаряжения. Плотновязав к походному ранцу суконное одеяло и поставив ранец рядом с кроватью, Кинт внимательно раскладывал боеприпасы по соответствующим подсумкам на поясе. Длинные латунные цилиндры с закраиной – для походной винтовки, а старые пехотные револьверы заряжались отдельно, сначала в камору заканчивающуюся слабым конусом закатывался свинцовый шар, затем заряд пороха в тубе из бумаги, верх каморы плотно закрывался медной шайбой-капсюлем. Пехотный револьвер, это старое оружие, без малого сто лет прошло, как его уже не производят в оружейных мастерских, но так сложилось, что сделано их было очень много. Эти револьверы еще в ходу, так как дешево, надежно и есть возможность самостоятельно производить для него боеприпас, отливая пули, отмеряя меркой порох и катать бумажные свертки зарядов, а вычистив использованную шайбу-капсюль снова замазать ее пастой воспламенителя, которая быстро высыхает. Кинт управился со всем, как раз когда у ворот школы несколько раз ударили в колокол, объявив о сборе.

Отряд курсантов в пути до расположения корпуса охраны дорог сопровождали двое жандармов верхом, они медленно ехали впереди и болтали, а курсанты, хоть и не выбивали пыль из дороги чеканя шаг, а шли расслабленно, все же держали строй и не растягивались. Спустя пару часов, колонна дошла до небольшой деревеньки на берегу реки, чуть в стороне от которой, возвышалась каменная дозорная башня, построенная внутри крепости с деревянными стенами, за ними и располагался гарнизон. Деревня совсем не большая – десяток дворов, и живут тут из поколения в поколение те, кто кормит и обслуживает корпус. Шорно – седельно – сапожный мастер, семейство механика-оружейника, зажиточная семья мясника, словом, крестьяне и ремесленники.

Тяжелые деревянные ворота со скрипом открылись, и отряд курсантов втянулся внутрь. Две длинных деревянных казармы, конюшни, кухня... курсанты сразу повернув нос по ветру, заулыбались переглядываясь, пахло очень аппетитно.

– Ужин будет по прибытию на перекресток «у двух мостов», кухня обозом поедет с нами, но нам до темна надо быть на месте, по этому кому надо оправиться, бегом до туалетов у той сточной канавы и бегом в строй, – перед курсантами стоял высокий капитан дорожной жандармерии.

Тень от полей шляпы падала на его лицо, под накинутым на плечи плащом из серой парусины, можно было разглядеть на поясе две кобуры с кавалерийскими револьверами нового образца, и ножны палаша.

– Сам капитан Агис с нами пойдет? – прошептал кто-то в строю.

– Что застыли? Никто не хочет отлить? На переходе остановок и привалов не будет, – повысил голос капитан, и курсанты, опомнившись, скинули на землю ранцы, сорвались с места, и побежали к сточной канаве.

Теперь курсантов верхом сопровождали десять жандармов, и две повозки. За исключением капитана Агиса, все остальные жандармы были вооружены короткими пятизарядными карабинами. Кинт внимательно следил за тем как они держатся в седле, как ведут себя на переходе. О службе в корпусе Кинт не то чтобы мечтал, просто ему было по душе то, что они делают, да и брат матери, которого Кинт видел всего три раза в жизни, сам служил в таком корпусе у восточной границы, и говорил, что это престижная государственная служба... почти самая престижная, если не брать во внимание летные корпуса, в которых, уж так сложилось, служила лишь аристократия терратоса.

Спустя четыре часа колонна вышла на мощеную камнем дорогу торгового тракта, по которой прошли еще два часа и встали лагерем в излучине не широкой, но глубокой Красной реки, через которую были построены два моста на небольшом отдалении друг от друга. Один – каменный, узкий и старый, а второй – новый, деревянный и широкий. Была подана команда разбить лагерь, и выставить охранение. С удовольствием и аппетитом поужинав, курсанты повалились спать, за исключением тех, кто заступил в охранение, с дороги все устали, и не было слышно традиционной болтовни перед сном.

Горнист протрубил подъем еще в предрассветных сумерках. Ежась от утренней прохлады, курсанты быстро привели себя в порядок и собрали походное снаряжение, от чего и согрелись. После завтрака капитан Агис построив отряд выпускников, разбил его на пятерки, приставив к каждой по жандарму.

Друзья Кинт и Вакт попали в пятерку, под командованием жандарма Дилла, и их пятерке предстояло самое дальнее направление патрулирования. Жандарм Дилл проверил, как закреплены выюки на коне и передал Вакту поводья:

– Держи, поведешь и отвечаешь за провиант.

– Так есть, – Вакт кивнул и засиял от оказанного доверия.

– Отряд на марш! – скомандовал Дилл, глубоко вздохнув осмотрел лежащую впереди степь и поправив на плече ремень карабина, пошел вперед.

Кинт шел замыкающим, и поймал себя на мысли, что непроизвольно улыбается. Идти было не тяжело, Светило дарило весеннее тепло, пахло первоцветами и весной. Справа степь до горизонта, слева холмы, за которыми, вдалеке видны горы, на вершинах которых еще лежит снег.

Прошли пару поворотов ведущих к деревням, по пути попадались обозы, путники, одинокие и группами, пешие и конные. Дилл замедляя шаг, внимательно осматривал встречных, некоторые с ним даже здоровались и он кивал в ответ. Патруль пару раз останавливался, попить, оправиться да перемотать портянки. Через пять часов марша, когда степь начала отступать от дороги, и стали появляться рощицы и кустарник вдоль широкой реки, после очередного поворота патруль вышел к посту – капитальный деревянный навес, снаружи обложенный каменной кладкой на половину роста.

– Привал, – скомандовал Дилл, – обедаем, немного отдыхаем и дальше... До вечера будем на таком же посту у рудника, заночуем там.

Дилл быстро раздал всем поручения, а сам присел на каменную стену постройки, свесил ноги и достав трубку, с удовольствием закурил, поглядывая на курсантов из-под полей шляпы и улыбаясь. Кишу досталось задание развести огонь и готовить обед. Посередине постройки

был выложен каменный очаг, причем очень давно – приличного размера булыжники больше чем на половину погрузились в землю, с северной стороны поросли мхом, а железная тренога над очагом явно требовала замены, так как уже очень сильно проржавела. Кинт выдернул несколько поленьев из стопки дров внутри навеса у стены, кем-то заботливо приготовленной и регулярно пополняемой, покопавшись во выюке, достал большой и тяжелый котелок, подвесил его над очагом, подозрительно посмотрел на истончившиеся от ржавчины стойки треноги и наполнил его водой из бочонка. Затем порубил штыком копченые бараньи ребра и бросил в котелок, туда же крупу, специи, еще долил воды из расчета что крупа разбухнет и накрыл крышкой. Походный чайник Кинт пристроил на камне, пока сварится каша и чайник закипит...

– Быстро ты, – сидя в пол-оборота сказал Дилл, – откуда родом сынок?

– Из долины садов, что на юге, недалеко от Дерата наша деревня... была...

– Понятно, – вздохнул Дилл, он прекрасно знал, во что превратилась некогда прекрасная и плодородная долина, – куда думаешь податься после выпуска?

– К вам, в корпус... если капитан Агис сочтет это возможным.

– Сочтет, – кивнул и улыбнулся Дилл, – такие шустрые нам нужны.

– У нас еще два дня похода, всяко может случится, но я постараюсь... – выпрямился Кинт, покосившись на шляпу, которая осталась лежать на дровах в углу.

– Уж постарайся, – снова улыбнулся Дилл и протянул Кишу кисет, – Держи.

– Эм... я... у меня нет трубки, и я не курю табак.

– Это ненадолго, – Дилл убрал кисет в кармашек на поясе, и спрыгнув со стены направился к Вакту, который чуть в стороне занимался с конем Дилла, – я тоже когда-то не курил табак.

Кинт посмотрел ему вслед и почесал бритый затылок. Дилл был крепкий высокий мужик, лет сорока, форменный камзол и вообще снаряжение на нем словно приросло – давно в жандармах. С курсантами он был добр, чего уж, но требователен. Вот и сейчас, он спокойно что-то объясняет Вакту.

– Патруль, обед! – крикнул Кинт, когда сняв крышку, убедился, что вода выкипела, а крупа разбухла.

Выслушав все, что о нем думают, точнее благодарности за вкусно приготовленный обед, Кинт отправился к ручью, что протекал недалеко от поста закончить обязанности дежурного по кухне – отмыть и очистить от копоти котелок и чайник. Вернувшись к посту Кинт убрал посуду во выюк, отвязал от ранца и раскатал по прошлогодней сухой траве одеяло и прилег, закрыв глаза... Дилл дал час на отдых.

Одноосная открытая повозка, запряженная двумя старыми меринами, как могла быстро неслась по проселку. Периодически оглядываясь назад, возница хлестал поводьями коней, а пассажир – худощавый пожилой мужчина лет пятидесяти, с перепуганным лицом, сидел вжавшись в сиденье, крепко прижимая к себе потертый саквояж из рыжей кожи.

– Быстрее, быстрее прошу вас! Скоро будет поворот на торговый тракт, а там и пост дорожной жандармерии недалеко...

– Сегодня четный день, – продолжая отчаянно хлестать коней, прокричал возница, – на нем сегодня нет жандармов! О небо, зачем я согласился!

– Тогда проедем дальше и свернем к лесу!

Влетев на перекресток, повозка встала на одно колесо, едва не перевернувшись, и кони понесли ее по тракту, выбивая подковами искры о мощеную и широкую дорогу. Возница чуть привстал...

– Там есть! На посту кто-то есть!

– Мы спасены, – еще сильнее прижав к себе саквояж и зажмурившись, прошептал мужчина.

– Патруль к оружию! – внезапно, и неожиданно громко, прокричал Дилл.

Кинт проснулся мгновенно, вскочил соображая пару секунд, затем метнулся к стене у которой были составлены винтовки и, схватив свою посмотрел на Дилла.

– Все за стену, ты со мной, – указал Дилл пальцем на Кинта и передернул затвор на карабине.

Стук копыт и грохот нарастал, и вот из-за поворота закрытого кустарником, показалась одноосная повозка. Достав из-за голенища сапога красный вымпел, Дилл передал его Кишу.

– Стой тут и подними вверх.

Кинт кивнул, взял вымпел и сделав пару шагов туда, куда указал Дилл, высоко над головой поднял короткое древко с красной материей. Дилл же присел на колено и вскинул оружие в сторону несущейся прямо на них повозки...

– Прррр – потянул на себя поводья возница.

На лбу у Кинта успел выступить пот, и он даже разглядел стежки на ремешках упряжи одного из коней, грудь которого остановилась на расстоянии вытянутой руки от него.

– Нас преследуют! – прокричал пассажир повозки.

– Оба, на дорогу! – Дилл указал стволом карабина на место, где хочет видеть этих двоих, – кто преследует? Сколько их?

– Я... я не знаю... пятеро, может шестеро... верхом, – ответил пожилой мужчина. Кинт отметил, что он даже похож на наставника Кожэ. Длинный дорожный плащ, фетровый котелок и громоздкий монокуляр болтающийся на груди на шнурке.

– За стены, – скомандовал им Дилл и кивнул на пост.

Пятеро всадников выскочили из-за поворота, и осадил лошадей, увидев, что пост дорожной жандармерии не пуст. Затем один из всадников чуть проехал вперед, привстав в стременах и рассматривая пост в подзорную трубу.

– Курсант Кинт, давай за стену, – нахмурившись сказал Дилл.

Кинт кивнул и побежал к товарищам.

– Что там? – перепугано прошептал Вакт, когда Кинт присел рядом с ним, и положив винтовку на стену прицелился в сторону всадников.

– Не знаю, – ответил Кинт и повернувшись, посмотрел на двоих из повозки, которые забились в угол с мертвецки бледными и перепуганными лицами, – кто это?

– Я... я не знаю, они увязались за мной от таверны в Мантасе, – ответил мужчина, крепко прижимающий к себе саквояж.

Из-за поворота выехала двухосная повозка в сопровождении еще четверых всадников, а потом они все поскакали к посту... Дилл выстрелил в воздух и выставил руку вперед – без эффекта, всадники продолжали скакать к посту. Кинт отчетливо видел, что некоторые из них держат в руке оружие. Следующий выстрел Дилла выбил одного из всадников из седла и тот свалился на дорогу. Ударили выстрелы и со стороны всадников... Кинт присел, перепугавшись, затем услышал крик Дилла:

– Патруль, огонь!

Громко шарахнула по ушам винтовка Вакта и другие курсанты открыли огонь. Кинт тоже прицелился и выстрелил – мимо, он поднял вверх рычаг подавателя и дымящаяся гильза выскочила и кувыркаясь упала на землю... трясущейся рукой Кинт вставил следующий патрон в подаватель и опустил рычаг, выстрел – Есть! Всадник, в которого целился Кинт, свалился на землю, а нападающие съехали с дороги и укрылись за кустами.

– Эй, вы двое! Уезжайте, недалеко временный лагерь дорожной жандармерии, – держась за окровавленный бок, ввалился на пост Дилл, – мы их задержим, а вы сообщите о нападении на пост. Да быстрее же!

Двое из повозки пригнувшись выскочили из поста, а через несколько секунд со стороны кустов громыкнули выстрелы потом еще... Кинт слышал как уезжает повозка.

– Что приуныли дети Акана, – как-то странно улыбнувшись сказал Дилл, – целимся лучше, патроны в пустую не тратим, не видишь цели – не стреляй.

Кинт перезарядив винтовку чуть приподнялся над стеной, присмотрелся к кустам в шагах от поста и выстрелил, и в тот же момент со стороны кустов грохнули выстрелы в ответ... какой-то глухой стук, и на лицо Кинту брызнуло чем-то горячим и мокрым, он вытерся рукой и посмотрел на ладонь, потом на заваливающегося на бок друга, у которого отсутствовала верхняя часть головы...

– Вакт! – Кинт подхватил друга и начал трясти его, – Вакт!

– Стреляй! – прокричал Дилл и отвесил Кинту затрещину.

В этот момент, курсант Макут, вечный тихоня, бросил винтовку и выскочив из поста побежал по дороге прочь, а спустя пару секунд рухнул как подкошенный, после очередного залпа со стороны кустов.

– Кинт! Не подводи меня сынок, – прорычал Дилл.

Аккуратно положив мертвого Вакта на землю, Кинт снова схватил винтовку и чуть сместившись в сторону, выглянул из-за стены. Он заметил, как от кустов к посту ползут двое, прицелился... выстрел – Есть! Один из нападавших ткнулся лицом в землю. Второго снял Дилл... Выстрелы со стороны кустов прекратились и Дилл скомандовал:

– Не стрелять! Беречь патроны! Их в два раза больше, но мы в надежном укрытии.

– Эй, на посту! – прокричал кто-то со стороны кустов, – пропустите нас и останетесь живы.

– Сдавайся! – Крикнул в ответ Дилл, – и тогда сможешь еще немного времени пожить, перед тем как тебя вздернут!

– Как хочешь! – крикнули в ответ, и снова грохнул залп.

– Кинт, – толкнул Дилл курсанта в плечо, – держи мой карабин, ползком из поста и присматривай за правым флангом, не то обойдут еще... И вот патроны возьми.

Кинт молча взял карабин и тяжелый подсумок, покосился на мертвого Вакта и пополз... Высунувшись из-за угла каменной кладки, он увидел, что действительно, справа, под прикрытием плотного кустарника, что растет вдоль ручья их пытаются обойти. Кинт прицелился и выстрелил... Со стороны кустов кто-то закричал, затвор, выстрел... еще...

Ааааа! – закричал кто-то из курсантов после очередного залпа противника.

– Кинт, сынок! Ты там как? – услышал Кинт голос Дилла.

– Держу правый фланг!

– Молодец... держи.

– Эй, жандармы, даю последний шанс! Подумайте!

– Мне думать не положено, – крикнул в ответ Дилл.

– Зря, – крикнули из кустов, и через секунду, что-то дымящееся полетело в сторону поста, а еще через пару секунд грохнуло так, что у Кинта заложило уши и зазвенело в голове, но он прицелился и выстрелил заметив шевеление, раздались хлопки выстрелов револьвера Дилла... Еще что-то полетело уже в сторону угла поста, за которым укрылся Кинт, опять взрыв... и свет для Кинта померк...

Монотонный скрип, все тело гудит, голова, словно залита чугуном и в ушах шум – с такими ощущениями начал приходить в себя Кинт. Приоткрыть веки стоило больших усилий... звезды... много, яркие, они плыли над Кинтом лежащим в повозке, вдруг закрутило в животе, закружилась голова и Кинт резко сел, а потом свесился с повозки и его стошнило на дорогу.

– Да, хорошо тебя приложило, – донесся глосс откуда-то сверху, – зато живой.

– Дилл, Вакт, ребята? – с трудом проговорил Кинт и поднял голову, вцепившись в край повозки.

– Ты один остался, – глядя прямо в глаза Кинту, ответил капитан Агис, – и то, благодаря контузии и рассеченному осколком лбу, вскользь прошел, но все лицо кровью залило, мы тоже сначала думали, что ты мертв, пока стонать не начал.

– Ааа?

– Все мертвы курсант... Как твое имя?

– Кинт...

Капитан кивнул и поскакал вперед, а Кинт устроился полусидя в повозке и осмотрелся. Каждое движение головой, каждое покачивание повозки отдавалось болью во всем теле. На жерди закрепленной на повозке висел фонарь, в его свете Кинт увидел впереди еще одну повозку, с двух сторон от которой ехали жандармы корпуса. С трудом, оглянувшись назад, Кинт увидел строй курсантов, которые молча шли за повозкой, замыкали строй еще всадники, сколько, было трудно разглядеть в темноте. Кинт попытался лечь, но снова ощутил тошноту и упершись в дно повозки руками сел повыше, а потом звезды начали свой завораживающий танец, вращаясь все быстрее, в ушах зашумело... и голова Кинта безвольно упала на грудь...

Глава вторая

Очередное весеннее утро... лучи восходящего Светила заставили Кинта зажмуриться, и прикрыть глаза рукой. Сквозь пальцы он посмотрел на окно, занавешенное белой шторой, потом на балки потолка... «Я в лазарете, в школе» – дошло до Кинта и он облегченно выдохнул. Небольшая комната с тремя кроватями ему была знакома, пару лет назад он тут уже был – неделю провалялся мучаясь болями в животе, после того как они с другом наелись испорченных фруктов на заднем дворе кухни. На одной кровати лежал он, на другой Вакт...

– Вакт, – вслух сказал Кинт, и перед глазами полетели картинки происшедшего – широко открытые глаза друга, Кинт словно опять почувствовал его горячую кровь на лице и руках... даже на секунду показалось, что опять запахло порохом...

Мастер-наставник Чагал, толкнул дверь и заглянул в комнату лазарета. Курсант Кинт лежал скрючившись на кровати, закрыв лицо подушкой, его руки подрагивали и он как-то монотонно подвывал. Протез деревянной ноги предательски скрипнул, когда Чагал вошел в комнату и Кинт сразу догадался о том, кто его пришел навестить и вскочил с кровати, представ перед Чагалом в исподнем.

– Ух... резвый-то какой, уже прыгаешь? – «глазами» улыбнулся Чагал, подошел к курсанту и положил руку ему на плечо, – присядь-ка, и сырость эту вытри с лица.

– Виноват, – Кинт сел на кровати и стащив с крючка на стене полотенце вытер намокшие и покрасневшие глаза.

Чагал присел рядом, снова скрипнув протезом, осмотрелся и вздохнув сказал:

– Тут с тобой побеседовать хотят.

– Кто?

– Тайная жандармерия.

– Ну пусть, – безразлично пожал плечами Кинт, смотря в пол и теребя полотенце.

– Одевайся, пойдем, позавтракаем, да я отведу тебя к ним... или сказать им, что ты еще слаб? Как сам-то?

– Сколько я здесь?

– Двое суток проспал, как тебя из корпуса привезли.

– Скажите мастер-наставник... а как же экзамены? Что же теперь?

– Экзамен ты сдал сынок, – Чагал посмотрел на Кинта, как-то по-отечески, – даже более чем сдал. Так что, идем завтракать или я прикажу сюда принести?

– Идемте мастер-наставник, уже бока болят лежать.

В узком шкафу у двери Кинт нашел свою одежду и быстро оделся. К слову, одежда была отстирана и от нее сильно пахло прачечной и розмарином, и правильно, еще мошь заведется. Кинт затянул ремешки пояса, одел шляпу, которую пришлось чуть сместить налево и на затылок, так как недавно наложенные швы над правой бровью напомнили о себе резкой болью.

– Я готов мастер-наставник.

– Тогда пойдем.

Не спеша, направились к кухне, Кинт осмотрелся – жизнь в школе идет своим чередом, будто ничего не произошло, только... четыре новых могильных камня появилось у часовни. Кинт остановился...

– Хочешь сходить? – Чагал тоже встал, опершись на клюку.

– Потом... зайду попрощаться.

На кухне никого не было из курсантов, завтрак уже давно закончился, а до обеда еще далеко. Кинт с большим аппетитом позавтракал лепешками со сметаной, и они с Чагалом отправились к единственному на всю школу целиком каменному двухэтажному зданию – школьной ратуше.

– Ну ты там сам, не люблю я эти синие камзолы, – Чагал похлопал по плечу Кинта, – я вон у конюшен подожду.

– Куда идти?

– Так они в кабинете генерала Горта тебя ждут... постой-ка, – Чагал поправил загнутый ворот камзола Кинта, осмотрел юношу с ног до головы и сказал, – ну вот, иди теперь.

В ратуше было прохладно и чисто, натертый до блеска пол, белый потолок, блестящие бра газовых светильников на стенах. Кинт шел по правому краю коридора – курсантская привычка, во всех помещениях курсанты приучены передвигаться исключительно по правой стороне. Пахло воском, которым недавно натирали пол и еще чем-то приторно сладким. Поднявшись на второй этаж, Кинт дошел до массивной двери с начищенной до ослепительно блеска медной ручкой и постучав, открыл дверь. В небольшой комнатке, из которой была дверь в кабинет генерала Горта, сидел сгорбившийся писарь школы, то ли горб у него с рождения, то ли вырос за время службы писарем, его редко можно было увидеть на территории школы, похоже он и жил в ратуше.

– Курсант Кинт Акан, – вытянувшись в струну и резко кивнув, громко доложил Кинт.

– Не зачем так громко... подожди, я доложу о тебе, – писарь кряхтя поднялся и подойдя к двери в кабинет генерала, приоткрыл ее и просунув лишь голову что-то проговорил, а затем широко открыл дверь и указал Кинту на нее глазами.

– Курсант Кинт... – снова начал было доклад Кинт, но сидящий за генеральским столом офицер тайной жандармерии остановил его жестом.

– Не люблю крика, садитесь курсант Кинт, – показал он рукой на стул рядом со столом, – если быть точным, то вы уже не курсант, а выпускник школы, один из не многих имеющих такое большое количество рекомендаций от наставников.

– Мне нравилось учиться, – Кинт присел на край стула и снял шляпу.

– Какой ужасный шрам, – поморщился офицер тайной жандармерии, – на всю жизнь ведь останется, а потом как-то странно улыбнулся и добавил, – зато хорошая примета, запоминающаяся.

Вообще Кинту этот офицер как-то сразу не понравился, странный тип, скользкий какой-то и воняет от него этим сладким одеколоном, на весь кабинет. Длинное худое лицо, с узенькими такими таракаными усиками, синий камзол со стоячим воротником, отороченным ярко красной лентой с двумя серебряными ромбами – капитан.

– Меня зовут капитан Морес. Мы с вами сейчас немного побеседуем... секундочку, – капитан открыл стоящий на столе деревянный ящик, присоединил конус звукописца и развернув его к Кинту нажал на кнопку, и присев рядом на стул, начал:

– Допрос ведет Капитан Морес Таг, сего шестнадцатого дня, пятого месяца, шесть тысяч девятьсот двадцать второго года полного летоисчисления. Итак... доведу до вашего сведения выпускник Кинт, что в случае заведомой лжи вы будете преданы суду, вам это ясно?

– Ясно, – пожал плечами Кинт.

– Итак, давайте по порядку, что случилось на посту?

И Кинт начал рассказывать... капитан Морес иногда что-то переспрашивал, что-то уточнял. Заметив, что некоторые детали юноше не совсем приятно вспоминать, Морес лишь молча налил воды в высокий прозрачный стакан и поставил перед Кинтом.

– Спасибо, – ответил Кинт, опустошив стакан и поставив его на стол, – ... а потом Дилл отдал мне свое оружие и отправил прикрывать фланг, ну чтобы не обошли нас.

– А зачем он отдал свое оружие?

– Вероятно посчитал нужным, моя-то походная винтовка однозарядная...

Морес открыл толстый блокнот, полистал, перечитал какие-то записи и спросил:

– А как выглядели те двое в повозке?

– Ну, возница из горцев похоже, а его пассажир будто ученый или инженер, я его особо не разглядел, не до этого было... Да вы у капитана корпуса спросите, Дилл же их к нему отправил.

– В том-то и дело, что до временного лагеря патруля никакая повозка с «ученым» не приезжала, о расстрелянном патруле сообщил какой-то торговец, что проезжал позже.

– Как не было?

– Вот так, не было. И вообще все там очень странно, следы боя есть, тела ваших товарищей есть, а вот тел нападавших нет.

– Я точно помню, что попал как минимум в двоих, – насутился Кинт.

– Я и не сомневаюсь, что попали, повторяю, следы боя есть, очень много крови по кустарнику у ручья, как раз напротив места где вас обнаружили. Нападавшие собрали тела...

– Зачем?

– Вероятно для того, чтобы скрыть принадлежность к той или иной группе наемников или банде.

– Они очень точно стреляли, это не банда... Дилл рассказывал, что среди кочующих банд мало хороших стрелков. Да не бывало так вроде никогда, чтобы на пост дорожной жандармерии нападать, только у границ такое происходит.

– Верно, поведение нападающих слишком самоуверенное. Может, припомните какие-то детали во внешности нападавших?

– Нет, не особо я разглядывал их... только целился и стрелял.

– Понятно, – Морес встал и несколько раз пройдясь взад и вперед остановился, повернулся к Кинту и спросил, – а все же, может хоть что-то?

– Саквояж.

– Какой саквояж?

– Небольшой такой, потертый, рыжей кожи... его этот пассажир к себе прижимал все время, будто там что-то ценное очень.

– Саквояж значит, – Морес придвинул к себе чернильницу и макнув в нее перо сделал какие-то записи в блокноте, – ну хоть что-то...

– Еще монокуляр, громоздкий такой, совсем старый.

– Хорошо, – кивнул Морес, а потом оживился и спросил, – а нарисовать сможете? Лица этих двух из повозки?

– Нет, не получается у меня так рисовать... а вот монокуляр нарисую, он мне почему-то запомнился, ну саквояж тоже.

– Рисуйте, – Морес придвинул к Кинту свой блокнот, открыв чистые страницы, – вот тут рисуй... те.

Кинт старательно изобразил монокуляр и спустя десять минут вернул блокнот. Морес тем временем выключил звукописец и закрыл ящик. Потом снова занял кресло генерала, достал из толстой черной папки небольшой лист с гербом Акана и написав на нем несколько строк отдал Кинту.

– Вот, возьмите, вдруг вспомните что-то важное, или увидите где, этих людей из повозки... Незамедлительно сообщите мне, это пропуск в канцелярию тайной жандармерии в Актуре. Можете идти.

Кинт поднялся, надел шляпу, кивнул, развернулся и вышел из кабинета...

– Справился? – Чагал постучал по деревяшке протеза трубкой, вытряхивая пепел.

– Рассказал что помню, – ответил Кинт.

– Ну что, ты ступай в казарму, а я пока соберу все для тебя в канцелярии, после обеда обоз идет в столицу, с ним и поедешь.

– Хорошо, – Кинт кивнул и направился к казарме.

С виду массивная дверь легко поддавалась, и Кинт вошел в казарму, пройдя по узкому коридору с двух сторон которого было несколько кабинетов наставников, чулан и оружейка, он остановился у центрального прохода... Скрученные матрасы кучей лежат у стены, кровати сдвинуты и нагромождены друг на друга, везде чисто и пусто.

– Эй! – крикнул Кинт, и прислушался к эху.

Слева от входа, у вешалки обнаружили ранец и большой баул для личных вещей, Кинт присел на лавку и уставился в одну точку. Странное было состояние... ничего не хотелось... ни службы в корпусе охраны дорог, ни заниматься поисками интересной работы, связанной с механизмами и паровыми двигателями. Нет, хочется! Хочется, чтобы рядом в фургоне обоза, на пути в столицу, сидел Вакт и как всегда смешно ковырялся в носу, а потом, по прибытию в столицу они бы отправились на главную площадь поглазеть на ратушу. Поглазеть на гуляющих по площади столичных красавиц... Кинт прилег на лавку поджав ноги и подложив согнутую в локте руку под голову, тяжело вдохнул и закрыл глаза. Кинт не спал, просто лежал и старался ни о чем не думать, вообще ни о чем...

Через некоторое время со стороны коридора послышалось узнаваемое поскрипывание. Чагал вошел в казарму и посмотрел по сторонам. Кинт уже занял вертикальное положение, Чагал сел рядом, и положив на колени небольшую деревянную коробку открыл ее.

– Вот тут рекомендации и грамота об окончании школы, – Чагал передал Кишу свернутые и зафиксированные медным кольцом бумаги, – вот это жетон гражданина терратоса, хоть его и выдают в восемнадцать, но для выпускников школы сделано исключение...

Кинт взял небольшой серебряный медальон на кожаном шнурке и повесил себе на шею.

– Это деньги, – увесистый кожаный кошелек переключал в руки Кишу.

– Тут много...

– Да, немного больше, чем получили остальные выпускники – полагающаяся тебе сотня кестов серебром, еще двадцать от скважинного управления за действующую модель силового агрегата, премия от корпуса охраны дорог в пятьдесят кестов серебром и два золотых.

– Я смогу даже снять комнату на первое время, – взвесил кошелек в руке Кинт.

– Этого не понадобится, вот, держи, – Чагал протянул запечатанный мастикой конверт, – с этой стороны адрес написан... это мой дом.

– Ваш? Вы же все время тут жили, с нами...

– Да сынок, – Чагал достал трубку, – там живет моя сестра, Мила, с семьей, вдовая она... Дом большой, комнаты сдаются, с того и живут. Есть мансарда, ее половина завалена всяким старьем, а вот другая половина с отдельным входом жилая – одна большая и светлая комната. Конечно не «Южная звезда», что на площади, зато ты можешь там жить, сколько захочешь... только, там может починить что придется, но руки у тебя растут из того места, разберешься.

– Спасибо мастер-наставник.

– Не благодари, я рад тебе помочь. И совсем забыл, подай-ка ранец твой.

Кинт принес ранец и сел с ним обратно на лавку.

– Вот тут клапан верхний открой.

– Вот это да! – глаза Кинта загорелись, он извлек из ранца небольшую кобуру перемотанную поясом из толстой кожи с револьвером новой конструкции – с откидным барабаном, – легкий какой!

– Это подарок от капитана Агиса, и еще, на словах он велел передать, что ты заочно зачислен в корпус. Ты же туда хотел?

– Хотел, – погрузнев, ответил Кинт и положил кобуру на лавку.

– Ты вот что, поживи немного в столице, на месяц тебе средств хватит, все обдумаешь, взвесишь, а там уж и решишь как быть.

– Да, так и сделаю.

– Ну собирайся, через час после обеда обоз выезжает, я договорился, тебя недалеко от порта высадят, а там и до моего дома пару минут идти.

Чагал ушел, пообещав, что придет проводить к воротам школы, а Кинт решительно встал с лавки и высыпал на центральный проход содержимое ранца и баула, пару минут смотрел на свой не хитрый скарб и принялся все перебирать и аккуратно укладывать. Спустя полчаса, когда Кинт шел по посыпанной песком дорожке к часовне, несколько раз ударили в колокол на кухне, сообщая о приготовленном обеде, из казарм выбегали и строились курсанты. Вниманием Кинта привлёк отряд курсантов, которым было столько же, сколько и ему, когда попал в школу сирот... «держитесь, через пару лет вы сами себе будете удивляться» – подумал Кинт и остановился. Ранец и баул шлепнулись на землю, Кинт прошел несколько шагов и опустился на колени у четырех холмиков, достал из кармашка на поясе вырезанную из дерева и почерневшую от времени фигурку голубя, утопил ее землю рядом с могильным камнем, и тихо сказал:

– Прощай Вакт...

Беседа с Чагалом у ворот была не долгой, он в очередной раз напомнил о том, как добраться до его дома в Актуре, затем крепко пожал Кинту руку и повернувшись заковылял прочь от ворот.

– Располагайся, – простуженным голосом сказал возница, – на ночлег встанем на посту дорожной жандармерии, а доберемся туда только к полуночи.

– Скажите, а до строящейся железной дороги далеко?

– Хочешь посмотреть?

– Да, очень интересно.

– Завтра утром будем проезжать, «железка» как раз вдоль тракта строится, все увидишь.

Зрелище строительства железной дороги действительно впечатляло, кругом шум, шипение вырывающегося из клапанов пара, стук железа, паровые машины ровняющие насыпь под полотно... Было раннее утро, час назад обоз снялся со стоянки, возница еле растолкал Кинта, чтобы тот мог посмотреть на строительство. И теперь, усевшись рядом с возницей, Кинт сидел с приоткрытым от удивления ртом и наблюдал за процессом... а потом опять степь, с редкими рощами по берегам попадающихся рек, речушек и ручьев. Светило приближая лето грело все сильнее, трава стала заметно сочнее и выше, и цветов прибавилось, вспыхнув тут тут, то там яркими, разноцветными островками в просыпающейся после зимы степи. К вечеру стали появляться холмы, поросшие редким лесом, луга на которые крестьяне выгнали свои стада в поисках свежей зелени, эта местность очень сильно напоминала Кишу его Родину, его родную долину...

– Засветло будем в Актуре, – сказал возница, потом придавил задом поводья, и достав трубку закурил, – видел столицу-то?

– Один раз, и то не долго был там.

– Ну, теперь посмотришь.

– Угу...

– Как морем запахнет, считай, приехали.

– Я поплю еще немного.

– Конечно, я разбужу.

Кинт проснулся сам, от громкого и продолжительного гудка... Обоз ехал по берегу большой бухты, в которой стояли парусники и пароходы: пассажирские, грузовые и военные. В нескольких местах по небу величественно плыли дирижабли, меж них, словно огромные шмели сновали скреверы, два прошли на малой высоте над обозом и Кинт смог, наконец-то, поближе их разглядеть. Действительно, хоть это и одноместные летательные аппараты, но в длину не меньше двух повозок, по форме напоминают сорвавшегося в пикирование голубя. Кинт отвлекся от неба и посмотрел на город, он просто огромен! В прошлый раз, когда школа сирот учувствовала в параде, курсантов везли по другой дороге, а сейчас, обоз спускался

с холма на берегу моря, откуда открывалась просто потрясающая картина – трубы литейных цехов и лабораторий, порт, сам город, издаലെка словно игрушечный. По дорогам снуют конные повозки, фургоны и самое интересное – колесные паровые машины, которыми важно управляют люди в кожаных комбинезонах, машины пыхтят выпуская клубы пара и черную копоть из труб топок... Так, мимо обоза пропыхтел открытый пассажирский фургон, в котором сидели горожане, конопатая рыжая девчонка лет десяти показала язык и скорчила рожицу Кишу, от чего он рассмеялся... впервые, за много лет рассмеялся, а девчонка, увидев такую реакцию, насупилась и отвернулась. Даже мощный торговый тракт ни что по сравнению с мостовыми Актура, тряска почти не чувствуется, вдоль улиц газовые фонари, и воплощение в жизнь нового научного открытия – телеграф, столбы которого уже облюбовали птицы. Кинт читал пару лет назад в газете про это изобретение, и теперь вдоль железных дорог соединяющих города терратоса спешным образом ставят столбы, развешивая на них провода. Кроме запаха моря, добавился запах рыбы – обоз проезжал рыбный рынок...

– Пррр, – потянул поводья возница, – ну все сынок, приехали, тебе вон туда, вверх по дороге.

– Спасибо, и удачи вам, – ответил Кинт, соскочив с повозки, затем выволок ранец, баул и помахал вознице рукой.

– С дороги! – донеслось откуда-то сзади.

Кинт схватил свою поглажу и отпрыгнул на обочину... Возница быстро проезжающей мимо повозки, хмуро посмотрел на Кинта и покачал головой. Накинув на плечи ранец, затем ляжку баула, Кинт зашагал вверх по узкой дороге, зажатой с двух сторон двухэтажными каменными домишками. Люди, попадающиеся навстречу, внимательно смотрели на чужака, кто-то приветливо улыбался и кивал головой, приподнимая шляпу и здороваясь, кто-то корчил непонятную гримасу и плевал себе под ноги. Читая номера на домах, Кинт уверенно шагал по улице. Позади отчетливо слышался топот, и чтобы ни кого не нервировать, Кинт не оборачиваясь, сделал пару шагов в сторону, ближе к стене дома.

– Ай-яй, – кубарем полетел вперед какой-то мальчишка.

Кинт обернулся, и увидел как второй, чуть старше, чем он сам, приземляется на него с чем-то в руке... еще чуть в сторону, и практически уткнувшись плечом в стену дома, Кинт толкнул нападающего в бок и тот тоже свалился на дорогу.

– Ах ты... – зашипел упавший и вытащил просто огромный тесак, – отдавай сам или кишки выну!

– Да вы чего...

– Ты что, не понял?

– Понял, – Кинт пожал плечами и вынул из-за пазухи подаренный капитаном Агисом револьвер, – может, успокоитесь?

Лица нападавших подростков сразу превратились в жалобные, тесак выпал, звякнув о камень мостовой.

– Вы что, меня ограбить хотели?

– Эм... а...

– Если тебе нужны деньги, то лучше спроси... Я могу поделиться, если тебе очень надо.

Лица нападавших подростков, из жалобных превратились в откровенно глупые, а потом они оба разразились смехом.

– Поделиться! – хохотал тот, который старше, рассевшись на мостовой.

– А что смешного? – уже нахмурился Кинт.

– Нет, нет, ничего... ты только револьвер убери, и мы пойдем, хорошо?

– Значит, вам было все равно кого грабить, лишь бы грабить?

– Папку зашибло бочками в порту... а кроме нас еще трое малых, мать болеет, – начал говорить младший, – да! Нам все равно уже кого грабить!

– Иди сюда, – сказал Кинт убрав револьвер и поманив рукой, – на, держи.

Горсть серебряных монет упала в грязную ладонь.

– Купите еды и мамку лечите, а грабить никого больше не надо, а то не станет у мамки одного из ее сыновей, или обоих. И это подбери, – Кинт кивнул на тесак, – пригодится.

Проводив взглядом сверкающие пятки убегающих мальчишек, Кинт хмыкнул и пошел было дальше, но из окна, прямо над головой Кинта свесилась «поросычья морда» какого-то мужика.

– Надо было их в жандармерию сдать! Осудят, и на рудники, терратосу нужен уголь!

Ничего не ответив Кинт пошел дальше.

– Смотри, весь свой кошелек не раздай по дороге, – гогоча «поросычья морда» скрылась за шторой в окне.

Чем дальше Кинт удалялся от порта, тем чище было на улице и лица прохожих были более приветливы. Из одного из окон второго этажа доносилась музыка и Кинт замедлил шаг, а потом остановился прислушавшись. Мотив был не знакомый... «Чагал говорил что в столице есть театр» – подумал Кинт и пошел дальше, с мыслью о том, что обязательно сходит в этот театр и как говорится, приобщится к высокому.

Вот и нужный дом – двухэтажный с высокой мансардой, каменный, старой постройки и с аркой в середине. Кинт прошел в арку, большой двор и каменная ограда, заросшая каким-то вьюном. Во дворе были конюшня, пара сараев и просторная беседка, от стоек которой были протянуты к стене дома веревки с развешенным стиранным бельем. В беседке возилась у парящего котла какая-то женщина, по описаниям похожая на сестру Чагала, да и внешнее сходство присутствовало.

– Доброго дня, – Кинт приподнял шляпу и учтиво поклонился, как учила мадам Эстер, – вы тетюшка Мила?

– Да это я... только вот что-то не припомню я такого племянничка, – улыбнулась женщина оторвавшись от стирки и вытерев руки о фартук.

На вид она была моложе своего брата, не более сорока лет, приятная улыбка, добрый взгляд и пышные формы...

– Меня зовут Кинт, а это мастер-наставник Чагал велел передать вам, – Кинт протянул женщине конверт.

– Чагал? Ну, наконец-то! Совсем забыл меня братец, – ответила Мила, взяла конверт, распечатала и начала читать.

Кинт внимательно осматривал двор – очень уютно, чисто, два крыльца с резными перилами по обе стороны арки, пестрые занавески на окнах. В доме не менее десяти комнат, во двор со второго этажа смотрят четыре маленьких балкончика, чуть в стороне от арки навес входа в цоколь, а над ним деревянная лестница в пять пролетов на мансарду.

– Есть хочешь? – Мила убрала конверт в карман фартука.

– Да.

– Итар! – неожиданно громко крикнула женщина.

Из-за сарая выглянул сторбившийся мужичек, с какими-то веревками и ремнями в руках.

– Итар, возьми ключ, открой мансарду и прибери там, да дымоход каминный прочисть!

– Хорошо хозяйка, – мужичек бросил свое занятие и поспешил в дом, спустившись в цоколь.

– Ну идем, племянничек, – улыбнулась Мила, – поешь, да отдохнешь с дороги, а Итар пока приберет наверху.

Чагал рассказывал, что Мила и трое ее детей, живет в правой половине дома, занимая лишь две комнаты на первом этаже, где еще две комнаты были переделаны под небольшую закусочную для постояльцев и кухню. Дети хозяйки были погодками, четырнадцати, пятна-

дцати и шестнадцати лет, старший сын Лат и мать трудились в гостинице, чтобы прокормить семью и заплатить за учебу младших.

– Лат, познакомься, это Кинт, он поживет какое-то время на мансарде, так просит дядя Чагал, – сказала Мила, пройдя с Кинтом на кухню.

– Этот старый калека всех своих учеников будет теперь к нам присылать? – не отрываясь от печи и не оборачиваясь, где он подмазывал глиной трещину у дверцы топки, спросил Лат.

– Лат, ты не забыл, что мы живем в доме твоего дяди? – строго спросила Мила.

– Ага, помню, – безразлично ответил тот.

– Может я лучше пойду на мансарду, помогу с уборкой Итару? – явно потеряв аппетит, спросил Кинт.

– А как же поесть, – виновато и покраснев, спросила Мила.

– Аппетит пропал, – ответил Кинт, поправил на плече лямку баула и вышел.

«Вот и познакомились» – пробубнил Кинт, поднимаясь по лестнице...

В большой и светлой комнате на мансарде Итар распахнул все три окна и, поднимая пыль занимался уборкой.

– Вам чем помочь? – Кинт поставил вещи на пол.

– Так а... а вот воды принеси чистой, колонка в ста шагах вверх по дороге.

– Хорошо, а ведро?

– За сараем тележка, на ней бочонок, вот ее и кати к колонке.

Через пару часов в комнате был наведен порядок, Итар оказался милым стариканом, который несколько лет назад попрошайничал у рынка, помог как-то Миле донести тяжелые корзины с продуктами, да и остался, работая можно сказать за еду.

– Скажите Итар, а как бы раздобыть посуды, ну еду приготовить и из чего поесть... тут я же смогу на огне приготовить?

– У хозяйки же кухня есть, – растерянно ответил тот.

– Сдается мне, что на той кухне у меня может случиться несварение.

– Познакомился с Латом? – хихикнул Итар.

– Угу.

– Ты вот что... с посудой я тебе, конечно помогу, но ты если приготовить, то ко мне в цоколь спускайся, вместе и приготовим и поедим.

– Хорошо, – улыбнулся Кинт в ответ на такое предложение, – а по близости есть еще харчевня?

– В десяти минутах ходьбы ресторанчик мадам Коноль, но туда тебя не пустят... лет тебе сколько?

– Семнадцать... через месяц.

– Тогда тебе туда можно будет только через год... Перекусить можно в порту, не дорого и вкусно, для грузчиков и рыбаков там в основном готовят, хотя столуются там все, кто мимо проходит.

– Понятно, а до рынка далеко? Одежды хочу купить кое-какой.

– Да, не помешает, – критически посмотрел на Кинта старик, – не очень тут жалуют тех, кто получил возможность выучиться, за счет терратоса и налогов, но мне все равно, я налогов не плачу.

– Буду знать.

– Ну пойду я, а поужинать приходи, я как фонари зажгу, так и ужин принимаюсь готовить.

Старик вышел, оставив ключ от двери, а Кинт присел на низкую деревянную кровать с соломенным матрасом и еще раз осмотрел комнату. Три не больших окна, у среднего стоит маленький стол, стул и тумбочка, прямо по середине комнаты труба печи, поднимаясь из кухни выходит на черепичную крышу, к трубе пристоеен не то камин, не то открытый очаг; у окна, что рядом с дверью, небольшая полка и рукомойник, с другой стороны двери узкий платя-

ной шкаф. Толстые старые балки, на которых закреплены стропила можно достать головой, если встать на носки... Кинт немного подумав, достал кошель с деньгами, отсыпал часть монет в карман, а кошель пристроил на балку в самом темном углу мансарды.

«А ничего тут», – подумал Кинт и, пристроив ранец и баул в шкаф, вышел за дверь, закрыл ее на ключ и сбежав по лестнице направился к порту.

Опять запах рыбы, портовая суэта, гудки пароходов в бухте и гомон, постоянный доносящийся отовсюду гомон. Людей очень много, Кинт отвык от таких людных мест, хотя в детстве ему нравилось ездить с отцом на ярмарку в ближайший город. Так, разглядывая строения и происходящее в порту, Кинт дошел до одноэтажного каменного дома, с вырезанной из дерева вывеской, сообщающей, что в харчевне «Пивная бочка» всем очень рады и готовы вкусно и недорого накормить. Звякнул колокольчик над дверью и Кинт оказался внутри светлого и чистого помещения, с побеленными стенами и потолком, двумя десятками столов и устойчивым запахом каких-то квашеных овощей и пива.

– Пообедать, молодой человек? – голосом с хрипотцой, и с выразительным синяком под глазом спросила женщина неопределенного возраста.

– Да пообедать.

– Садись вон туда, – женщина указала взглядом на длинный стол, за которым уже сидели несколько человек, – я сейчас подойду.

Подойдя к столу, Кинт кивнул, когда на него обратили внимание, повесил свою шляпу к двум другим на гвоздь в стене и сел.

– О, гляди-ка, – пихнул в плечо своего соседа один из обедавших за столом портовых грузчиков, – курсант похоже, из сиротской школы.

– Угу, у них выпуск был недавно, – жуя, ответил тот.

– Выпуск? Так это же надо отметить! Правильно? – грузчик посмотрел на Кинта, – ну что брат угостишь работяг выпивкой?

– Хорошо, – пожал плечами Кинт.

– Не слушай его, он у каждого готов на выпивку простить, – сказал третий грузчик, с виду самый старший в их компании, – тебя как звать?

– Кинт.

– А меня Тармат, не найдешь куда пристроиться, приходи ко второму причалу, спросишь меня... работы в порту всегда хватает.

– Это уж точно, – подтвердил проситель на выпивку, – так что на счет отметить?

– Да успокойся ты, – строго сказал Тармат, – допивай свое пиво и пошли работать, сейчас обоз под разгрузку придет.

Компания через пару минут вышла, шумно разговаривая и хохоча, и перед Кинтом предстала женщина с синяком.

– Что будешь заказывать?

– А что у вас на обед сегодня подают?

– Тоже что и вчера, похлебка с бараниной, каша и пиво... но пиво не стану наливать мал еще, еще жандармы зайдут и тебе и хозяину попадет, есть кисель и морс.

– Морс.

– Сейчас принесу.

Все было действительно очень вкусно и сытно, допив морс, Кинт рассчитался за обед одним серебряным кестом, получив на сдачу пять медных монет, и отправился на рынок. Приобретение не дорогого серого камзола, вязаной безрукавки, сорочки и брюк, почти опустошило карман Кинта, и он, размышляя о варианте предложенным Тарматом побрел к дому Милы, попутно не переставая разглядывать пригород столицы.

Возвращаясь, Кинт столкнулся в арке дома с выезжающей одноосной открытой повозкой, в которой, улыбаясь и о чем-то мило разговаривая, ехала Мила с каким-то хорошо одетым мужчиной. Кинт проводил повозку взглядом, и вошел во двор.

– Явился? – перекладывая какие-то тюки во дворе, спросил Лат.

– Явился, – кивнув, ответил Кинт и стал подниматься по лестнице, обратив внимание, что из хозяйского окна на него смотрят двое мальчишек.

Сытный обед и прогулка поспособствовали тому, что поднявшись к себе, Кинт прилег на кровать и сразу заснул.

Два следующих дня маленького отпуска перед самостоятельной жизнью, как Кинт сам для себя обозначил, было решено провести изучая достопримечательностей столицы и просто в прогулках по городу. Территория пригорода со стороны порта с его складами, пирсами, маленькими магазинчиками и шумными кабаками, была относительно изучена до обеда первого дня, Кинт даже зашел пообщаться к бригадиру портовых грузчиков на предмет подработать. Тармат расспросил его и узнав, что юноша неплохо соображает в узлах и механизмах паровых двигателей сам отказал ему.

– Это брат на крайний случай, если не удастся ни где пристроиться, но это маловероятно. В депо тебе работу могут предложить, и в лабораториях, так что иди и дерзай, а уж если не выйдет, то приходи.

Вторую половину дня Кинт провел в изучении жилых кварталов, запоминал направления улиц и ориентиры, чтобы не заблудиться. К вечеру вышел в промышленный район столицы... это был город в городе – большие цеха с дымящими высокими трубами, много шума и пара. У длинных корпусов лабораторий и фабричных цехов кое-где стояли под загрузкой небольшие паровозы с несколькими платформами, большие погрузочные механизмы на металлических балках выбрасывая под давлением пар поднимали зацепив крюками торосов грузы и перемещали... Вообще очень интересно, Кинт никогда не видел так много техники в одном месте, площади застроенные цехами и заняты складами были огромны, и когда Кинт наконец выбрался на окраину промышленного района, ноги гудели, начинало темнеть. Потеряв в сумерках ориентиры, которые Кинт надеялся, что запомнил, он просто пошел на юг, к морю. После нескольких переулков и улочек удалось выйти на широкую мостовую освещенную газовыми фонарями, гуляли дорого и красиво одетые горожане, проезжали повозки, откуда-то звучала музыка... и на Кинта начали обращать внимание. Если в пригороде и промышленном районе, его скромная одежда, курсантская шляпа и пояс с кобурой ни у кого не вызывали интереса, то здесь на этой явно богатой улице он мягко говоря, выделялся. И выделился настолько, что его остановили двое патрульных жандармов.

– Пойдите-ка юноша, – вполне вежливо обратился высокий жандарм в годах, – подойдите.

Кинт подошел и видя перед собой людей в форме, привычно поприветствовал их вытянувшись, прижав ладони к бедрам и резко кивнув:

– Выпускник школы сирот Кинт Акан.

– Да я уже догадался, – чуть улыбнулся старый жандарм, – жетон гражданина покажи.

– Вот, – Кинт потянул шнурок, демонстрируя жетон и повернулся к фонарю.

– Понятно... заблудился?

– Не то чтобы заблудился, просто по времени не рассчитал немного дорогу... хотя... да, похоже заблудился, – немного растерянно глядя по сторонам, ответил Кинт.

– А где живешь?

– Недалеко от порта, в гостинице тетюшки Милы.

– Знаю такую гостиницу, – кивнул Жандарм, – далековато ты забрался. Деньги есть повозку нанять?

– Есть немного.

– Тогда вон там, за поворотом у ресторана, стоянка повозок, три медяка заплатишь... ну может четыре и будешь через час дома.

– Спасибо.

– И вот что, не принято здесь, в этом районе города, вот так носить оружие, – жандарм кивнул на открытую кобуру с торчащей рукояткой револьвера, – понимаешь?

– Так есть, понимаю.

– Вот и молодец, свободен.

Кинт снова кивнул, и быстрым шагом пошел к стоянке, где сидя на четырех низких лавках рядом с десятком повозок, играли в кости возницы, хохоча время от времени. Кинт договорился с одним из них, и спустя сорок минут, расставшись с четырьмя медяками, выпрыгнул у арки дома тетушки Милы.

Повозка, на которой уезжала хозяйка, стояла во дворе, из окон доносился смех и звон посуды. Старик Итар стоял прислонившись к стене дома у входа в цоколь и курил трубку, завидев Кинта он покачал головой и сказал:

– Не стоит так поздно возвращаться... и ужин остыл давно.

– Да я заблудился немного.

– Заблудился он... воткнул чего в бок в темном углу, вон хотя бы за сапоги, и револьвер вынуть не успеешь. Тут по ночам в пригороде всякое случается... есть то будешь?

– Конечно.

– Ну проходи тогда, – кивнул Итар на лестницу в цоколь, – пригибайся, дверь низкая.

Комнатушка маленькая – одно окошко под потолком, кровать в углу, стол, лавка и пара полок... зато есть печь, точнее котел отопления, выпирающий топкой немного в комнату, ну и ящик с углем, да стопка поленьев.

– Зимой тут конечно погрязнее, – Итар поковырял кочергой в топке и подбросил дров, – до осени топить не надо будет, на днях стену побелю и будет совсем чисто.

– Значит вы тут и за печника?

– Да за кого только я тут не прихожусь, и истопник, и конюх и прибраться в комнатах, но я не жалуюсь, грех жаловаться-то, – Итар поставил на топку чайник и небольшую кастрюльку с тушеным мясом и овощами, – я же ведь за пять лет нищенствования натерпелся, а Мила пожалела, работаю вот пока силы есть, даже откладываю кое-какие монеты... постояльцы бывает хорошие чаевые дают.

– Простите, а до того как вы стали нищим?

– А до того у меня на северной окраине дом был, да мастерская скорняжная, жена то уже десять лет как померла а детей не было у нас... а потом рядом гостиницу построили, потому как недалеко торговая гильдия, ну и обозы все да караваны по нашей улице, да и вокзал рядом... вот, – тяжело вздохнул Итар, – пришли люди от Арка, есть тут у нас такой, вся чернь да злодеи местные под ним, предложили продать дом, мастерскую, видите ли, им постоянный двор и кабак захотелось в моем доме устроить...

– И?

– Так дали бы цену соответствующую, может и продал бы, после смерти жены зачем мне одному и мастерская и дом, ну переехал бы в мастерскую, благо ее еще отец построил и в ней жить можно... так они же все хотели у меня забрать и причем за совсем маленькие деньги.

– А вы?

– А я не продал конечно... а потом началось, раз побили, два побили, мастерскую сожгли, а с ней еще и соседский дом, да еще каких-то жандармов прислали ко мне, а те меня в поджоге обвинили, и судом грозились... а потом еще из тайной жандармерии пришли и объявили меня шпионом... В общем бумаги на дом я в тюрьме подписывал, а как подписал, так пинка под зад и на улицу... эх, лучше бы продал за столько за сколько предлагали.

– Но это же не правильно!

– Эх-хе-хе, в мире столько не правильного сынок, что мое не правильное такая мелочь... хоть живой остался и на свободе. Вот так я и оказался в попрошайках...

– Все равно не правильно! А суд, а жандармерия?

– Нет сынок, я если иду по улице, а навстречу жандармы, так я на другую сторону дороги лучше перейду, мне жить-то может всего ничего осталось. Да ладно, чего уж про меня, я смирился, – Итар выложил из кастрюльки на тарелку подогретый ужин и пододвинул к Кишу, – ешь.

– Спасибо, – с аппетитом поужинав, Кинт допил чай и спросил, – я завтра на рынок еще хочу сходить, вы скажите что купить.

– Овощей купи и крупы, остальным Мила поделится, она добрая... а вот сынок ее старший – дьявол, никого не любит, никакого уважения ни к кому... словно не ее это сын.

– Я заметил.

– Ты держись подальше от него, злости в нем на сотню гиен и еще вокруг себя шайку таких же собрал... да ты носом уже клюешь, иди, ложись спать.

Кинт проснулся рано, гудки доносящиеся со стороны порта и со стороны промышленного района, говорили о том, что пригород столицы уже проснулся. Кинт встал и заправил кровать, немного размялся и подтянулся на балке пару десятков раз, обхватив ее руками. Затем быстро умылся и расхаживая в исподнем по комнате стал готовить себе завтрак. Позавтракав парой вареных яиц, быстро оделся, нацепив пояс с кобурой под камзол, во избежание недоразумений, он направился к выходу, прихватив монет из кошель, но у двери замер, пару секунд поразмыслил, достал из ранца рекомендации наставников и грамоту об окончании школы сирот, аккуратно сложил их и убрал во внутренний карман камзола. Двухосная повозка так и стояла во дворе, Итар уже возился в конюшне, а постояльцы и хозяйева дома еще спали. Поприветствовав Итара рукой, Кинт бодро зашагал в сторону центра, уж очень хотелось посетить театр. Но в такую рань естественно, светские заведения не открываются и погрузив пару минут у колонн красивого здания, расположенного в двух кварталах от ратуши, Кинт медленно направился к рынку, по пути разглядывая фасады, памятники и фонтан на площади.

А на рынке уже кипела жизнь, торговцы открывали свои лавки, покупатели уже прохаживались в продуктовых рядах, приобретая свежие молочные продукты и выпечку. Внимание Кинта привлекла вывеска на небольшом деревянном здании с высоким цоколем в самом центре рынка – «Инженер Багат, ремонт и продажа механизмов и деталей».

– Вот это интересно, почти так же интересно как театр, – вслух сказал Кинт и направился к мастерской. Дверь была закрыта, Кинт еще раз подергал ее за ручку.

– И что же такому молодому человеку и в такой ранний час приспичило в мастерской старого Багата, – раздался голос позади.

– Посмотреть, мне просто интересно, – развернулся Кинт, – доброе утро.

Перед ним стоял низкого роста старичок, в широких штанах заправленных в сапоги, жилетка из грубой и толстой ткани в некоторых местах с пятнами масла, была одета поверх пестрой рубахи, седые бородка и усы, узкое лицо, а мощные и с меняющейся фокусировкой окуляры «смотрели» на Кинта.

– Забавно, – старик переместил на лоб окуляры, поморгав пар раз, – и что ж вам тут интересно молодой человек?

– А все.

– Ну в таком случае подержите, – старик протянул Кишу деревянный ящик который оказался очень тяжелым, – а я дверь отомкну. Ну вот, проходите, а ящик туда поставьте.

Помещение мастерской находилось в цокольном этаже, и изнутри оказавшееся больше чем снаружи. Оно было разделено на две части – в первой от входа половине прилавки вдоль стен и два больших стола, заваленных деталями и запчастями, во второй половине отделенной невысокой стойкой была собственно сама мастерская с верстаками, станками с ремненным при-

водом от вала, закрепленного под потолком. В углу небольшой паровой агрегат и рядом ящик с углем, который пополнялся через окошко на улицу из которого свисал желоб.

– По глазам вижу, что вам тут у меня нравится, – одевая длинный фартук, улыбнулся старик.

– Да, – продолжая осматриваться ответил Кинт, а потом добавил немного стесняясь, – скажите... может, вам работник нужен?

– Работник? – старик зашел за стойку и облокотился на неё, – работник нужен вообще-то, но именно работник, а не ученик.

– Вот, – Кинт выложил из кармана на стойку свои документы, – посмотрите пожалуйста.

– Забавно... интересно... – старик взял бумаги и передвинулся ближе к окну, затем напялил на нос окуляры и подкрутив фокусировку начал читать, – угу, Кинт Акан, забавно... о, интересная рекомендация, хм... и оценки весьма не дурны... что ж, очень хорошо.

У Кинта все замерло внутри, он уже был готов приступить к работе прямо сейчас...

– А знаете, Кинт Акан, я возьму вас! Мне почему-то кажется, что мы сработаемся, – улыбнулся старик, поднял окуляры и протянул Кишу его бумаги, – но сначала, сами понимаете, много платить не буду, присмотрюсь к вам... Девять кестов серебром в неделю, на первое время... устраивает?

Кинт прикинул, сколько и как на эти деньги можно питаться в портовой харчевне и ответил:

– Устраивает конечно!

– Вот и хорошо, сегодня мастерская работать не будет, я сейчас быстро доделаю кое-что, а потом мне надо в ратушу, еще в цеха проехать, день то уже спланирован, – развел руками Багат, – так что завтра приходите в это же время и приступите к работе.

– Спасибо, договорились, – Кинт убрал документы в карман.

– Всего доброго Кинт Акан, и не опаздывайте... и скажите, вам дали второе имя в честь нашего терратоса?

– Всем в школе сирот дают второе имя в честь терратоса. В самом начале, когда ежедневно прибывало много сирот, многие были в том возрасте, что не могли назвать имена своих родителей... только мама... папа...

– Понимаю, прискорбно конечно... ну, до завтра.

– До завтра.

Настроение было приподнятое, Кинт шел по мостовой, улыбаясь сам себе, глядя куда-то вперед, поверх голов прохожих и в небо, где на фоне облаков медленно, навстречу яркому весеннему Светилу летел дирижабль. Так Кинт шел, пока его взгляд не уперся в красивый, украшенный лепниной фронтон театра, у входа в который, на широкой лестнице, уже стояла пара в красивых и богатых одеждах мужчина и женщина, они о чем-то беседовали, улыбаясь друг другу. Кинт медленно поднялся к ним по лестнице, вежливо дождался, когда пара отвлеклась на него, чуть поклонился, и взявшись правой рукой за поля шляпы поздоровался:

– Доброе утро, извините, что помешал вашему разговору, но мне хотелось узнать по поводу спектакля в ближайшее время.

– Здравствуйте, – поприветствовал Кинта мужчина лет тридцати, в строгом черном костюме, а его спутница, розовошекая девушка молча чуть наклонила голову в знак приветствия, – Труппа выехала, еще на прошлой неделе, на гастроли, так что приходите либо в конце лета, либо читайте афиши, вон там на тумбе, возможно, кто-то и к нам приедет с гастролями.

– Жаль, – немного расстроился Кинт, – что ж, буду ждать... Извините.

Кинт решил еще немного погулять по центру, а потом уже вернуться в пригород, зайти на рынок и идти на обед. Начинали открываться многочисленные магазинчики, лавки, рестораны и прочие заведения, прохожие либо спешили по делам, либо медленно гуляя и беседа, прохаживались, проезжали повозки, паровые колесные экипажи – столица проснулась.

По пути попался киоск, в котором продавали газеты, писчие принадлежности, табак и трубки. Рассчитавшись медяком за утреннюю газету, Кинт поискал глазами место, где можно присесть и почитать. Прямо напротив киоска, на другой стороне улицы, в первом этаже трехэтажного старого каменного здания располагалась булочная, при которой был небольшой зал. Сквозь стекла больших окон, Кинт разглядел, что там уже сидят несколько посетителей и читая газету, пьют чай со свежей сдобой. То, что надо.

– Доброе утро, – из-за стойки приветливо улыбнулась пухленькая девчонка лет тринадцати, в белоснежном фартуке и колпаке, поливая каким-то сиропом несколько булочек на тарелке.

– Доброе утро, – тоже улыбнувшись, ответил Кинт, явно очаровав толстушку ямочками на щеках, – я могу у вас тут почитать газету?

– Тогда вам придется попробовать нашу сдобу, – продолжая улыбаться, кокетливо ответила девчонка.

– Обязательно, очень у вас тут вкусно пахнет.

– Что вам подать?

– Вот этих... ой, а сколько они стоят?

– Порция этих, – толстушка чуть повернула тарелку, – и кружка чая, один кест серебром, эти по полтора, а если закажете какао со сливками, то прибавляйте еще кест.

– Эм... какао, слышал, но не пробовал никогда.

– Очень вкусно, попробуйте. Так что подать вам?

– Давайте какао это ваше, и вот этих булочек, – ответил Кинт и положил на стойку две серебряные монеты.

– Присаживайтесь где вам удобно, – пухлые ладошки ловко смели со стойки деньги, – я сейчас принесу все.

Кинт кивнув, поздоровался с пожилым мужчиной, за соседним столиком и явно отставным военным, и присев напротив большого окна, осмотрелся. Очень уютно, шесть небольших и круглых столиков, за каждым три стула, деревянная стойка, за ней на наклонных полках выставлены образцы выпечки... а еще вкусно пахнет, очень... даже в животе заурчало.

– Вот, пожалуйста, – толстушка поставила перед Кинтом поднос с чашкой ароматного напитка и тарелкой, на которой лежали три булочки, политые густым сиропом.

– Спасибо.

На первой полосе газеты Кинт пробежался по заголовкам важных новостей терратоса, армия готовилась к решающей битве с непокорными племенами и общинами; собиралась научная экспедиция к недавно открытым землям на экваторе; гильдия торговцев теперь имеет максимальный перевес в парламенте терратоса; со следующей недели открывается воздушное сообщение между Актуром и еще тремя городами... На другой полосе были различные светские новости, потом были публикации каких-то новых законов, за ними новости в научном мире и в завершение, на последней полосе были всевозможные объявления. Кинт отвлекся от газеты, чувствуя на себе чей-то взгляд, и повернулся.

– Булочки остынут и будут не такие вкусные, – за стойкой стояла точная копия толстушки, только лет на двадцать старше, женщина приятно улыбнулась и добавила, – и какао лучше пить горячим.

– Да, да, – немного смутился Кинт, и отложив в сторону газету приступил ко второму завтраку.

Две булочки «проскочили» незаметно, и борясь с желанием заказать еще порцию, Кинт уже более тщательно прожевал третью и отпивая действительно вкусный напиток устался в окно. Интересно было наблюдать за улицей и прохожими, появилось устойчивое ощущение, что предыдущая жизнь Кинта прошла в каком-то параллельном мире. Люди на улице были приветливы и улыбались... конечно, сейчас Кинт, пока есть монеты в кармане, пьет какао

в совсем не бедном районе. «Может, если будут позволять средства, попробовать снять комнату поближе к будущей работе...» – опустив, пустую чашку на блюдце, начал размышлять Кинт, – «а с другой стороны, Мила пока не выгоняет, да и идти от ее гостиницы до рынка не так уж и долго».

– Спасибо большое, – одевая шляпу Кинт поблагодарил одинаковых лицом хозяек булочной, – мне, знаете ли, стоило больших усилий, чтобы сдержаться и не заказать еще порцию.

– Приходите еще, – рассмеялась женщина, – и для постоянных посетителей у нас скидки.

– Это радует, всего хорошего.

– До свидания.

На рынке Кинт еще раз прошел мимо мастерской Баката, которая, как и говорил старик, сейчас была закрыта, а на двери висела какая-то табличка. Кинт прошел по рядам, купил кое каких припасов, и подумав, что носить в руках кули и свертки неудобно, нашел лавку где продавали различные сумки и корзины. Купил вместительную плетеную корзину и сложив в нее покупки отправился домой.

– Да ты никак нас чем-то угостить решил, – с гримасой полной презрения и противным голосом спросил Лат.

Кинт столкнулся со старшим сыном Милы и еще двумя его приятелями в арке дома, они присев вокруг небольшого бочонка играли в кости и похоже на деньги. Кинт даже не ответил ничего и обойдя азартную компанию попытался пойти дальше.

– Эй, с тобой разговаривают! – крикнул один из приятелей и начал подниматься с низкого табурета.

Понимая, что пройти ему спокойно не дадут и эта встреча ничем хорошим не кончится, Кинт опустил корзину на землю и отступил к стене, исключая возможность зайти себе за спину.

– Хотите подраться?

– Догадливый! – Лат тоже поднялся и пнул корзину, продукты рассыпались, под одобрительные возгласы его друзей.

– Зачем вам это? – Кинт чуть сместился по стене к выходу из-под арки.

– Испугался? Да потому что я не хочу тебя тут видеть! Не то мой одноглазый и одноногий дядюшка начнет присылать таких придурков как ты сюда каждый выпуск, – Лат коряво замахнулся и попытался ударить Кинта.

В следующую секунду, оказавшись на земле с расквашенным носом и так и не поняв, как это произошло, Лат прокричал:

– Бей его!

Каждый удар Кинта достигал цели, он специально старался бить в голову, зная, что поставленный удар собьет спесь с нападающих. Все трое, постанывая, пытались встать и с ненавистью и испугом смотрели на возвышающегося над ними Кинта.

– Лучше не продолжать, – спокойно сказал Кинт.

– А что ты на это скажешь? – самый высокий уже поднялся на ноги и достал нож, каким в портовом рынке разделявают рыбу, длинный и тонкий.

– А ну, брось нож! – Кинт откинул полу камзола и в его руку скользнул револьвер, послышался щелчок взведенного курка...

Все трое замерли, нож звякнул о камень дорожки под аркой, приятели Лата попятились назад, а потом, мешая друг другу, спотыкаясь и испуганно озираясь, побежали прочь.

– Собери, – Кинт кивнул на разбросанные рядом с корзиной свертки, убирая револьвер в кобуру.

– Что тут происходит? – в арку вошел Итар с увесистой такой дубинкой в руке.

– Ничего, Лат не заметил меня в темноте под аркой и наскочил, а я корзину уронил.

– Ну, ну, – Итар конечно заметил разбитый нос Лата, и хмыкнув пошел к себе в цоколь.

– Скажи, чем я тебе мешаю? – Кинт присел на корточки и посмотрел в глаза Лату и протянул носовой платок.

– Готово, собрал, – Лат собрал продукты в корзину и вытерев нос рукавом пошел к дому, а потом бросил через плечо:

– Мы еще не закончили.

– Как скажешь, – Кинт поднял корзину и пошел к Итару.

– Входи, – ответил Итар на стук в дверь.

– Я вот купил кое-что, – Кинт выложил несколько свертков и кулей на стол.

– О, копченая баранина, – обрадовался Итар, – тогда я на ужин сварю густую чечевичную похлебку с острыми приправами... С обедом только сам уж, у меня дел еще много.

– Пойду к себе что-нибудь соображу тогда на обед...

– Кинт, ты будь поосмотрительней с Латом и дружками его. Младшие дети как дети, а этот поганец каких свет не видывал, – покачал головой Итар, – терпение у Милы какое...

– Угу, – Кинт кивнул и пошел к себе, где пообедав, решил немного вздремнуть, а потом снова сходить и посмотреть город.

Глава третья

Спустя пару месяцев Кинт уже вошел в ритм городской жизни, которая ему начала нравиться, и он для себя решил, что шесть лет полувоенной и аскетической жизни в школе сирот, теперь нужно как-то компенсировать. Война на границе странным образом закончилась – непокорные общины по непонятным причинам ушли со своих земель на север, и перспективы к совершеннолетию быть обрванным и мобилизованным в армию теперь не было. Армия терратоса была полностью наемной, контракты подписывались на пять, десять и пятнадцать лет, и чем дольше воин прослужил, тем увесистей был кошель к моменту завершения контракта и большее количество шагов отмеряет землемер при выделении участка в предместье любого города терратоса.

Каждый день после завтрака, Кинт отправлялся в мастерскую старого инженера Баката, где до обеда перебирал узлы и механизмы различного оборудования, которое привозили из промышленного района, разбирал, все промывал, смазывал и собирал обратно. К другим видам работ Бакат пока его не допускал, но в скором времени обещал брать с собой на обслуживание паровых машин. Обедали они с Бакатом вместе, в небольшой комнате над мастерской, которая выполняла роль конторы, и где Бакат часто засиживался, работая с чертежами. После обеда Кинт снова вставал к верстаку, а когда рыночные торговцы начинали собирать товары и закрывать свои лавки, Бакат отпускал юношу домой. Жалование Кинт получал исправно – каждый вечер пятого дня девять серебряных монет пополняли кошель, а рано утром, на следующий день Кинт бежал в булочную, попить какао, съесть свежей выпечки и почитать газету. Бывало, что Итар был очень занят в течение дня, и не успевал приготовить ужин, тогда они вместе с ним спускались в портовую харчевню и ужинали в компании грузчиков. Кинт познакомился уже со всеми, и к слову, почти все свое первое жалование спустил на выпивку, угостил грузчиков.

А еще Кинт познакомился с девушкой... Лана – дочь мясника Хора, чья лавка находилась недалеко от мастерской. Девушка часто заходила в мастерскую еще до появления в ней Кинта, и приносила на заточку ножи, и теперь этим делом, с деловым видом занимался Кинт, аккуратно выводя спуски на точильном станке. Лана была симпатичной, не худенькой, и не толстой, с белозубой и приятной улыбкой, которая часто переходила в звонкий смех, черные волосы были сплетены в косу, которую та, замысловатой фигурой заматывала на макушке, фиксируя костяной заколкой. Кишу Лана нравилась, и он ей был симпатичен. А вот мясник Хор, почему-то Кинта невзлюбил, всегда говорил с ним холодно и короткими фразами, если приходилось, и смотрел всегда как-то угрюмо, но общаться детям не мешал. Впрочем, общения того было не много – либо у мясной лавки, среди гомона покупателей, либо в мастерской под шум точильного станка.

Представительного вида и всегда богато одетый мужчина, что ухаживал за тетужкой Милой, окончательно переехал к ней еще месяц назад, и Лат нашел себе новый объект для язвительных, а порой и откровенно хамских шуток... Господин Жорэ, так представился Кинту при знакомстве этот человек. Впечатление он произвел на Кинта неоднозначное... вроде вежлив, опрятно и дорого одет, однако что-то не нравилось Кинту в его глазах. В них не было искренности, и Жоре всегда избегал прямого взгляда. Но тетужка Мила была от Жоре без ума, и оставалось только порадоваться, что женщина теперь не одинока и может рассчитывать на помощь и поддержку. К слову Итар, тоже как-то странно все время поглядывал на Жорэ, словно пытаясь что-то в нем разглядеть.

Первый день первого осеннего месяца ознаменовался большим событием для Актура, сегодня открывалась ветка железной дороги до корпуса охраны дорог, которая потом будет строиться дальше, в сторону рудных районов терратоса на севере. Первый состав, в основном

товарный, был сформирован, рядом с корпусом охраны дорог был простроен перрон с большим пакгаузом, откуда теперь можно было развозить товары с меньшими транспортными расходами. Был в составе и пассажирский вагон, билет на который приобрел и Кинт, предварительно отпросившись у Баката на пару дней, чтобы провести мастера-наставника Чагала. Кинт влетел в арку, чуть ли не сбив с ног Итара...

– Кинт, поди сюда сынок, – с некоторой тревогой в голосе остановил его Итар.

– Поезд отправляется через двадцать минут, некогда, может потом?

– Ну давай потом, – грустно ответил Итар, – Кинт, сынок, ты вот что, если что...

– Что такое?

– Да нет, ничего, ладно, собирайся не то опоздаешь, потом поговорим.

Кинт кивнул и побежал по лестнице к себе на мансарду, где схватил еще с вечера приготовленный ранец, одел на плечи и побежал обратно. У выхода из арки его ждала повозка, и спустя десять минут Кинт был уже на вокзале. Оркестр пожарных играл какой-то торжественный марш, радостная и улыбающаяся публика толпилась на перроне, провожая первый состав. Сунув вознице несколько медяков, Кинт побежал вдоль перрона и остановившись у новенького пассажирского вагона протянул кондуктору билет, тот оторвал свою половину и сказал:

– Четвертое купе, молодой человек.

Кинт пошел вдоль вагона, читая цифры на дверях, остановился напротив купе и толкнул дверь.

– Приветствую вас, – приподнял помятую шляпу толстый торговец.

– И вам доброго дня, – ответил Кинт, закрыв дверь, уселся на свободное, то есть свое место.

Публика заглядывала в окна, радостно махала руками, им все равно было, кому махать, лишь бы участвовать в торжестве. Через пару минут долгий гудок паровоза оповестил всех об отправлении, вагон чуть дернулся и плавно поехал. Время состава в пути, до корпуса охраны дорог составляло не более трех часов, и Кинт сняв наконец-то ранец, устался в окно.

Впереди несколько раз просвистели в свистки, на что пронзительно отозвался гудок паровоза, затем ощутимо трянуло, дернуло, и состав тронулся. По пригороду состав двигался медленно, так как железная дорога во многих местах пересекала улицы. Но вот состав миновал порт и начал набирать скорость... Кинт даже ощутил как по телу пробежали мурашки и холодок в груди, он еще никогда не ездил по железной дороге да еще с такой скоростью, хотя, на самом деле скорость была невелика и Кинт подумал, что верхом, даже самый медленный галоп позволит догнать состав. Но ощущения все равно было потрясающие... из-за поворота, уже не стало видно мачт и труб кораблей и пароходов в порту, да и бухта скрылась из виду. Кинт немного улыбаясь, разглядывал степь, рощи вдоль реки и лес на горизонте, повозки, пылящие по дороге параллельной железнодорожному полотну.

– Милейший, – оторвал Кинта от наблюдений сосед по купе, – вы просто так, прокатиться на первом рейсе, или...

– Или, – не дожидаясь окончания вопроса, и не поворачиваясь, ответил Кинт.

– Простите конечно, но вы просто так молоды и один...

– И что? – наконец развернулся Кинт, подцепил большим пальцем кожаный шнурок на шее, продемонстрировав соседу жетон гражданина терратоса.

– Даже так, – удивился толстый торговец, – значит, вы просто молодо выглядите.

– Школа сирот, после ее окончания все выпускники становятся гражданами терратоса на год раньше совершеннолетия.

– Ах, вот оно что... вы уж простите мне мое любопытство, и примите искренние соболезнования по поводу потери вами ваших родителей... ох уж эта война, – покачал головой торговец и искренне тяжело вздохнул.

– Война наконец закончилась, – решил все же поддержать разговор Кинт.

– Вы думаете?

– Об этом написали в газетах.

– Не хочу вас разочаровывать молодой человек, – чуть придвинувшись и понизив голос, торговец продолжил, – но в газетах пишут то, что велено парламентской комиссией. Если война закончилась, почему же тогда не отменили налог на оборону?

– Не знаю, – пожал плечами Кинт, – может не успели, или решили не вводить новый налог на то, чтобы восстанавливать разрушенное войной.

– Хм, может и так, хочется в это верить.

– А вы что, считаете, что газеты нам врут?

– Скажем так, многое не договаривают.

– Я же читал о роспуске мобилизованных корпусов.

– Я тоже читал, и похоже это так и есть, но люди говорят...

– Пффф люди говорят, знаете, я на рынке работаю у инженера Баката, так вот такого там можно послушаться, что «люди говорят».

– Баката?

– Да.

– Я же его хорошо знаю, он менял в моем ткацком цеху новые приводы на станки, взамен тех, что он устанавливал еще когда был жив мой отец, когда меняли силу реки на силу пара.

– Реки?

– Да, старые цеха промышленного района все были построены по берегам реки, откуда думаешь там столько плотин и мостов? Но постепенно, все сменили сложные системы редукторов и валов на паровые силовые установки.

– Я читал про это в учебнике... тогда же и начался этот бум модернизации...

– Прогресс и наука тогда устремились вперед, только поспевай, да вкладывай деньги, – усмехнулся торговец, а потом спохватился и достал из своего огромного дорожного саквояжа небольшую бутылку, – а не желаете вина?

– Нет, – покачал головой Кинт, – это незаконно, а за предложение спасибо конечно.

– А, ну да, – спохватился и немного покраснев, ответил торговец, – ну я выпью, пожалуй.

Остававшиеся полтора часа торговец, опустошив винную бутылку, болтал не умолкая и когда паровозный гудок громко оповестил о прибытии, Кинт даже как-то облегченно выдохнул, устал он уже слушать этого толстяка. Схватив ранец, Кинт пулей выскочил из купе и чуть не упал, так как перрон еще не был построен до конца, а вагон остановился не доехав до него. Состав тронулся через минуту, оставив под навесом станции одного лишь Кинта, когда вагоны проехали, сердце даже замерло – в сотне метров от железной дороги располагалась школа сирот, которую Кинт покинул чуть больше чем полгода назад. В караульной будке у ворот дежурил курсант из старших воспитанников, подойдя ближе, Кинт разглядел его лицо и даже вспомнил – этот курсант прибыл в школу сирот почти одновременно с Кинтом, только он младше возрастом на пару лет. Остановившись и кивком отдав честь курсанту, Кинт спросил:

– Могу ли я увидеть мастера-наставника Чагала?

– Минуту, я позову посыльного, – ответил курсант и дернул за шнур вызова.

Даже через массивные ворота и шум занятий по ту сторону, Кинт расслышал звук, который ни с каким другим не перепутает – с той стороны к воротам приближался Чагал.

– Механик второй степени Кинт Акан прибыл в гости к мастеру-наставнику, – Кинт кивнул и улыбнулся Чагалу.

– Кинт, сынок! А я почему-то так и думал, что ты приедешь с первым рейсом, – не скрывая эмоций, Чагал обнял Кинта, – ну, пошли ко мне в кабинет, я теперь скриплю между отрядами, генерал назначил меня главным тут по дисциплине.

– Ну, значит с дисциплиной у курсантов все будет хорошо, – улыбнулся Кинт.

– Это точно, тебе ли не знать.

Кабинет это конечно громко сказано – небольшая, пристройка к одной из четырех казарм, в которой при Кинте был склад обмундирования.

– А в ратуше, что же кабинета не нашлось?

– Да ну их, этих зануд, я вот к детям, хм... эм... к курсантам поближе хочу быть. Проходи, – Чагал толкнул не запертую дверь.

Внутри было уютно и пахло табаком. Кинт снял ранец и поставил на пол.

– Ты же с дороги, есть хочешь?

– Да не успел я проголодаться, три часа с небольшим состав в пути был.

– На обед вместе пойдем, – Чагал присел на низкую кровать, достал трубку и раскурил ее, – ну, рассказывай...

И Кинт начал рассказывать, практически с первого дня как приехал в столицу. О том как устроился, что нашел работу... про Милу...

– Значит, сестрица личную жизнь устраивает, правильно, сколько можно одной быть.

– Да, правда, этот Жорэ странный какой-то... но одет всегда богато, пешком не ходит, только на повозке... и глаза все время прячет...

– Ну а Мила что?

– А тетушка Мила мне кажется очень счастлива... только Лат...

– Что Лат?

– Мастер-наставник... может это и не мое дело, но мне кажется, он не любит ни кого кроме себя и денег.

– Это так Кинт, – вздохнул Чагал, – точная копия папаши... я его и пристрелил собственноручно.

– Эм... не понял...

– Гадкий человек был, обесчестил сестру... она потом решила оставить ребенка... а спустя год и вышла замуж и еще двоих родила.

– Теперь понятно.

– Да уж, такая история, даже вспоминать не хочется... А ты значит решил у Баката поработать?

– Да, мне нравится, недавно вот получил грамоту на вторую степень, а весной Бакат обещал еще раз в ратушу мои документы со своими рекомендациями отнести и тогда я получу первую степень...

– Это хорошо, тогда ты сможешь и свою мастерскую открыть.

– Да, только на это деньги нужны. А у Баката мне нравится, и научиться можно многому.

– Учись сынок, пока есть возможность, учись. Нам вот скоро пришлют офицера из академии терратоса, приказано открывать класс по подготовке телеграфистов.

– Я видел столбы и проволоку в больших катушках на повозках, совсем немного не дотянули до станции.

– Да... быстро прогресс идет, – кивнул Чагал, – скоро сможешь мне тегр... телгр...

– Телеграфировать, – поправил Чагала Кинт.

– Точно.

– Я каждую неделю новости читаю на полосе про науку... столько интересного!

– Да, в интересное время живем, – кивнул Чагал.

– Жаль только... что некоторые не дожили, – внезапно погрустнел Кинт и его глаза заблестели, – Я к В акту схожу.

– Сходи сынок... сходи, о друзьях надо помнить, даже о мертвых. Я подожду тебя здесь, а потом и на обед пойдем.

Ничего не изменилось в школе сирот, разве что курсантов стало поменьше... Кинт шел по посыпанной песком дорожке, наблюдая, как у казарм начинают строиться на обед курсанты, затем свернул к часовне.

– Здравствуй друг, – Кинт присел на колени и положил руку на холодный камень, – столы действительно красивая и там много интересного... в театр я так и не попал, но говорят, труппа скоро возвращается, может и получится взять билет... а еще я раз в неделю ем вкусные булочки и пью какао, очень вкусно... а хозяйки булочной такие смешные толстушки, они добрые, даже стали мне делать скидку... Друзей, кроме старого Итара у меня нет, разве что в порту, развеселая компания грузчиков, с ними иногда обедаю или ужинаю, первое свое жалование все им на пиво потратил...

«Поговорив» с Вактом, Кинт пошел обратно, сделав небольшой крюк через аллею, где полчаса погрузился у своего дерева, порядком подросшего за лето, и затем отправился к Чагалу.

– Я уже идти за тобой собирался, – Чагал встретил Кинта на пороге, – ну что, обедать?

– Да, можно уже и пообедать.

– А где твоё оружие? – спросил вдруг Чагал.

– Вот, – Кинт откинул полу камзола, – я часто в центр хожу, ну просто погулять... красиво там, а богатеи нервничают вид оружия, вот так и ношу.

– Ясно... значит, ничего не меняется особо в столице.

До вечера Кинт беседовал с Чагалом, который периодически отлучался в казармы, после ужина посетили стрельбище, где Кинт с большим удовольствием пострелял из пехотного револьвера, удерживая тяжелое оружие двумя руками. Спать Чагал ушел в одну из казарм, уступив свое место гостю, а на утро Чагал и Кинт шли молча до станции, только скрип протеза в такт шагам...

– Скоро прибудет, – Чагал посмотрел на большие, золотые старинные часы-луковицу отполированные пальцами, – смотри-ка точно.

– Да, – кивнул Кинт, глядя как от горизонта, выпуская клубы дыма, приближается паровоз и тянет за собой состав, – что-то передать тетушке Миле?

– Передай, что с первым снегом приеду.

– Хорошо.

Всю дорогу до Актура Кинт печально смотрел в окно, в купе он был один, так что никто не мешал грустить. Но с появлением в окне пригорода столицы, порта и пароходов в нем, хандра улетучилась, и Кинт принялся рассматривать неуклюже и медленно маневрирующие в небе над городом дирижабли. Паровоз снизил скорость, медленно, еще полчаса катил пытая по столице, а потом гудком оповестил о прибытии. От пакгауза по перрону сразу поехали повозки к грузовым платформам. Кинт никуда теперь не спешил, и мог вполне пройти пешком до порта, где он решил пообедать, да и погода радовала – не смотря на то, что уже шел первый месяц осени, светило было таким же теплым и ярким как летом. Кинт свернул на узкую улицу, где сразу закончилась привокзальная суeta, и медленно зашагал вниз, к порту.

В харчевне все как всегда – дым табака слоями перемещается от стены к стене, гомон и вкусно пахнет, компания грузчиков сидела на своем месте и Кинт направился к ним. Улыбаясь со всеми поздоровался, поставил ранец у лавки и присел.

– А чего это вы? – Кинт, обратил внимание, что все как-то странно переглядываются.

– Ты где был? – спросил его Тармат, вытер руки о жилетку, достал трубку и косясь на Кинта раскурил ее.

– Так я же в школу ездил... ну с первым рейсом.

– Вчера тебе Итар что-нибудь говорил?

– Нет... Хотя да, он хотел что-то сказать, но я торопился на вокзал. Да что случилось-то?

– Нет больше Итара.

– Как так нет?

– А вот так... Пришел вчера весь какой-то взъерошенный, вручил мне конверт, сказал чтобы тебе передал, выпил пива и вышел, да далеко не ушел, на него повозка налетела в сотне шагов отсюда. А много ли старику надо было... через час он дух и испустил.

– Как же так... а повозка?

– А что повозка, ее и след простыл. На вот, – Тармат медленно положил на стол конверт и осматриваясь по сторонам пододвинул его к Кишу, – убери, тут не читай... не нравится мне все это, похоже ты во что-то нехорошее вляпался.

Голова у Кинта шла кругом, в ушах зашумело, он стянул со стола конверт и сунул в сапог, аппетит пропал.

– Пойду я тогда...

– Ты вот это, если что, то к нам прибегай.

– Угу, – Кинт подхватил ранец и быстро пошел к выходу.

Во дворе дома Кинт увидел Милу, она что-то выговаривала Лату, а тот скучая ковырял носком сапога глину под ногами. Лишь кивнув им, он быстро поднялся по лестнице к себе, закрыл дверь на засов, бросил на пол ранец и достав из-за голенища конверт, открыл его и начала читать:

«... Кинт, сынок, к тому времени как ты будешь читать это письмо, я буду либо мертв, либо в пути, подальше от столицы. Я вспомнил! Вспомнил кто такой этот господин Жорэ, это человек Арка. Помнишь я рассказывал, как лишился дома и оказался на улице? Он и еще двое приходили ко мне в тюрьму и приносили на подпись документы из канцелярии ратуши. Утром, перед твоим отъездом, я поздоровался с Жорэ и вспомнил... и не смог сдержаться и все сказал ему, глупец, какой же я глупец! А он обозвал меня сумасшедшим и пообещал за поклев на уважаемого человека пожаловаться в жандармерию. Но я его узнал! Это точно один из людей Арка и я уверен, что Жорэ преследует одну цель лишить дома Милу. Я слышал, что они решили через неделю идти в ратушу и подписать брачную грамоту, и тогда я боюсь подумать, что будет с Милой, ее семьей и ее домом. Я надеюсь, что не посчитаешь меня выжившим из ума стариком и поверишь мне. Мила хороший и добрый человек, не позволяй негодяям завершить то, что они начали. Береги себя сынок, и не надейся на помощь жандармерии, Арк многим из них платит.

Будь осторожен и прощай.

Итар».

Кинт стянул шляпу, еще раз перечитал письмо, затем смял его и сунул в карман. Прохаживаясь от стены к стене, он пытался сообразить, что же ему делать, мысли роились в голове – Итар конечно странный был старик, но далеко не сумасшедший, не верить ему не было оснований, а трагическая смерть старика только подтверждала его правоту. Итар узнал Жорэ, не сдержался и сказал ему об этом, замыслу Арка стала грозить опасность и старика убили, можно допустить, что это трагическая случайность, но как-то не верится.

Послышались тяжелые шаги по лестнице и в дверь мансарды постучали:

– Это Жорэ, надо поговорить.

Кинт замер посреди комнаты и непроизвольно нащупал под камзолом кобуру... «Нет, надо успокоится, и сделать вид, что я еще ничего не знаю о смерти Итара, и вообще ничего не знаю...» – подумал Кинт, быстро скинул сапоги, взъерошил волосы, и шаркая ногами проходя мимо кровати смял на ней покрывало...

– Кто... что? – открывая дверь, спросил Кинт и с недовольным и сонным лицом посмотрел на Жорэ, – а потом нельзя? Я с дороги, поспать вообще-то хотел.

– Я так, на пару слов, – Жорэ толкнув дверь, прошел в комнату, пристально осмотрелся и сказал, – Итар умер... его сбила повозка в порту.

– Как?

– Не известно, повозка скрылась, – ответил Жорэ с некоторым облегчением, – он вообще в последнее время странный какой-то был...

– Я заметил, – присев за стол у окна Кинт подпер голову руками и зевнул.

– Он тебе ничего странного не рассказывал? Ты перед отъездом вроде разговаривал с ним...

– Да, он что-то хотел мне сказать, но меня ждала повозка, я на вокзал спешил.

– Угу... я видел...

– Я сказал ему, что потом поговорим, да и все, и весь разговор, – пожал плечами Кинт, – господин Жорэ, вы со своими вопросами до вечера можете подождать? Я правда очень устал с дороги и хочу спать.

– Да я уже все выяснил, отдыхай Кинт... а, скажи, как здоровье Чагала, ты ведь к нему ездил?

– Да к нему... скрипит, такой же старый ворчун.

– Ты ему рассказывал обо мне с Милой?

– Конечно, он даже порадовался за сестру, наконец-то, говорит, будет опора у неё на мужчину.

– Угу... ну ладно, отдыхай, – Жорэ кивнул, и заложив руки за спину вышел.

Кинт облегченно выдохнул, закрыл дверь и завалившись на кровать, подложив руки под голову снова начал размышлять – «Что же делать? Есть деньги, срочно нанять повозку и ехать к Чагалу, рассказать ему? Нет, это будет подозрительно, нагонят... Попробовать последить за Жорэ? Можно, но только не самому, самому опасно... и надо вообще выяснить кто такой этот Арк, и где его искать»... Так, обдумывая свои дальнейшие действия, Кинт все же уснул, а проснулся под звуки гудков доносящихся из промышленного района, обозначавшие конец рабочего дня. Умывшись, Кинт влез в сапоги, одел шляпу и посмотрелся в старое с потрескавшейся амальгамой, маленькое зеркало у двери. Кое-какой план в голове все же созрел.

Кинт не спеша, направился в сторону портовой харчевни на ужин, проходя мимо одной из лачуг у складов, он заметил возящегося в луже у забора Тоя, младшего из тех самых неудавшихся налетчиков, которые пытались его ограбить в день приезда в город. Кинт иногда помогал им, то монет подкинет, то еды из харчевни принесет. Поначалу они гордо отказывались, обещая даже побить, собрав ватагу таких же оборванцев из квартала, но потом некое подобие дружбы все-таки образовалось. Старшему, Викену, Кинт некоторое время назад помог устроиться в порту помощником учетчика в пакгауз, не без содействия бригадира грузчиков Тармата.

– Кинт! – радостно поприветствовал его Той, махая испачканной в грязи рукой.

– Ты что там делаешь?

– Пряжку нашел, медная, старинная... вот отчищаю.

– Понятно, – Кинт присел на корточки рядом с лужей и посмотрел вверх, на дорогу...

Невзрачного вида мужчина, в простых серых одеждах, с тростью и в помятом с одного бока котелке, остановившийся неподалеку как-то дернулся и начал активно очищать несуществующую грязь с длинного парусинового плаща. Кинт похлопал Тоя по плечу и спросил:

– Викен пришел уже?

– Да, поужинал и спит.

– Ну ладно, я тоже пойду, поужинаю, – Кинт выпрямился и пошел дальше, – Викену привет!

– Хорошо, – ответил Той и снова принялся возиться в луже.

А вот это уже нехорошо, – думал Кинт, – неужели Жорэ отправил за мной кого-то следить? Возможно, хочет проверить, что я буду делать, в случае если Итар мне все-таки что-то успел рассказать? Видно, не поверил он моим словам до конца. Надо как-то избавиться от этого

«плаща», и надо переговорить с Викеном, он может помочь организовать слежку за Жорэ с помощью своих друзей из бедного квартала. Ладно, главное чтобы Тармат был еще в харчевне, он то уж точно придумает, как избавится слежки.

К радости Кинта Тармат и вся компания грузчиков была на месте, они уже расправились с ужином и громко что-то обсуждали, прикладываясь к большим глиняным кружкам с пенным темным пивом.

– А Кинт, присаживайся, – чуть подвинулся Тармат, – сегодня на ужин очень вкусное рагу.

– Я уже заказал, – ответил Кинт и сел.

– Ну... что там, в письме? – понизив голос, спросил Тармат.

Кинт хотел было достать смятое письмо, но покосившись на входную дверь увидел мужчину в плаще, который присел за ближайший от входа стол и заказал пива.

– Тармат, скажите, вы слышали что-нибудь об Арке? – Кинт говорил тихо, чтобы слышно было только его собеседнику.

– Я так и знал, что ты вляпаешься, – нахмурился Тармат.

– Ну, вляпался-то покойный старик Итар, правда мне придется в этом участвовать.

– В чем? Ты в своем уме, мальчик? – Тармат осмотрелся и забранил пальцами по столу, – тебя раздавят как клопа и все.

– За мной уже следят, видите того, в сером плаще у крайнего столика?

– Угу...

– От самого дома за мной шел, похоже Жорэ послал. Он прекрасно знал как мы со стариком были дружны и думает что Итар мне успел рассказать все.

– Да что рассказать-то?

Пока Кинт пересказывал содержание письма, ему подали ужин.

– Вот как значит, – задумался Тармат, – вообще да, очень похоже на то, как обставляет свои делишки Арк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.